

Худеющий

Автор:

Стивен Кинг

Худеющий

Стивен Кинг

Ужас, что пришел в сытый, богатый городок, принял одно из самых древних обличий в мире – обличье цыганского табора. Цыгане, вечные бродяги, за мелкие монеты развлекающие толпу, владеют стародавними секретами черного колдовского искусства. И когда довольный жизнью адвокат Билли Халлек случайно сбивает машиной старуху из табора и не несет за это наказания, «цыганский барон» наказывает его сам. Расплата за содеянное такова, что Билли еще тысячу раз пожалеет, что остался в живых, ибо смерть была бы милостью...

Стивен Кинг

Худеющий

Глава первая: 246

«Худеющий», – шепчет старый цыган с гниющим носом Уильяму Халлеку в тот момент, когда он со своей женой Хейди выходит из здания суда. Только одно слово доносится до него вместе с запахом его дыхания. «Худеющий». Прежде чем Халлек успевает отшатнуться, старый цыган протягивает руку и проводит скрюченным, изуродованным пальцем по его щеке. Рот раскрывается, как рана, обнажая надгробия зубов, торчащих из голых десен. Эти редкие зубы – почерневшие и зеленоватые... между ними просовывается язык, вылезает

наружу и облизывает потрескавшиеся губы, растянутые в улыбке.

Худеющий.

Билли Халлек вспомнил это, когда в семь утра стоял на весах, обернув поясницу полотенцем. Снизу доносился аппетитный запах яичницы с ветчиной. Пришлось вытянуть шею, чтобы увидеть цифру на шкале. Нет, не просто вытянуть, а наклониться. Каждый раз приходилось наклоняться. Он был крупным мужчиной. Слишком крупным, как доктор Хустон рад был ему сообщить. На тот случай, если тебе никто об этом не говорил, позволь, я тебе сообщу, сказал ему Хустон во время последнего осмотра. Мужчина с твоими доходами и твоими привычками вступает в царство сердечных приступов примерно лет в тридцать восемь, Билли. Тебе нужно сбросить вес.

Сегодня утром новости оказались неплохими: он неожиданно сбросил три фунта – с 249 до 246.

В последний раз, когда он отважился встать на весы, стрелка указывала на 251, правда, он был в брюках, а в кармане лежала мелочь, да еще ключи, его армейский ножик. К тому же весы в ванной наверху ввали в большую сторону – в этом он был почти уверен.

Будучи еще обыкновенным нью-йоркским мальчишкой, он где-то слышал, что цыгане обладают даром предвидения. Может, это так и есть? Попытался засмеяться, но дальше слабой и довольно неуверенной улыбки дело не пошло: рановато было закруглять смешком «цыганское дело». Должно пройти время, и все уляжется; он был достаточно зрелым человеком, чтобы понять это. А пока от мысли о цыганах было тошно. Он от души надеялся, что в жизни больше ни одного из них не встретит и отныне на гулянках будет лишь забавляться хиромантией да баловаться спиритической планшеткой Уиджа – скромно и безобидно.

– Билли?! – Зов снизу.

– Иду!

Он оделся, заметив с почти подсознательной досадой, что потеря им трех фунтов ничего не значила для его трусов – они по-прежнему туговаты. Сорок два дюйма в обхвате. На Новый год бросил курить точно в 00.01, и началась расплата. Ничего себе расплата за отказ от дурной привычки! Спустился по лестнице – сорочка расстегнута, галстук переброшен через шею. Линда, его четырнадцатилетняя дочь, как раз выходила из дому во «флиртующей» юбочке. Махнула конским хвостом, перехваченным на сей раз вполне сексуальным бархатным бантом. Под мышкой – учебники, в другой руке два небольших помпона для парада мажореток – один белоснежный, другой ярко-красный.

– Пока, пап!

– Счастливо, Лин!

Халлек сел за стол и первым делом схватил «Уолл-стрит джорнэл».

– Возлюбленный! – сказала Хейди.

– Моя дорогая! – с шутливым пафосом ответил он и немедленно отложил газету.

Жена поставила перед ним дымящуюся яичницу, английскую сдобу с изюмом и пять кусочков поджаристого бекона. Хорошая еда. Сама скользнула на стул напротив него и закурила «Вантаж-100». Минувшие январь и февраль были несколько напряженными – слишком много «обсуждений» – фактически закамouflированных ссор, слишком много ночей в постели спиной к спине. Но выход нашли: она перестала подкалывать его по поводу веса, а он прекратил нудить по поводу ее полутора пачек сигарет в день. В итоге весна получилась недурная. На фоне достигнутого между ними перемирия произошли и некоторые другие приятные вещи. Во-первых, Халлек получил повышение, и немалое. «Грили, Пеншли и Киндер» теперь стали «Грили, Пеншли, Киндер и Халлек». Мать Хейди исполнила свою давнюю угрозу и вернулась к себе в Виргинию. Линда наконец-то выбилась в ведущие парада мажореток, что для Билли стало сущим благом, так как ее сценические потуги порядком напрягали. В общем, все пошло нормально.

Потом в городе появились цыгане.

«Худеющий», сказал старый цыган; и что там за гадость приключилась с его носом? Сифилис, что ли? Рак? А может, и что-то похлеще, вроде проказы? Да черт с ним, в конце-то концов! Выброси из головы!

– Не можешь выбросить из головы эту историю? – внезапно спросила Хейди. Так внезапно, что Халлек вздрогнул. Билли, не твоя вина была. Так сказал судья.

– Да нет, я не о том думал.

– А о чем ты думал?

– Да «Джорнэл»... – ответил он. – Там говорят, что в нынешнем квартале жилищное строительство опять затормозилось.

Не его вина – это точно. Судья верно сказал. Судья Россингтон. Кэри – для друзей.

Для друзей вроде меня, подумал Халлек. Сколько партий в гольф с Кэри Россингтоном. На гулянке у нас накануне Нового года два года назад, когда я решил бросить курить и не сделал этого. Кто мял твою такую вызывающую титьку во время традиционных обменов новогодними поцелуями? Не может быть! Ну конечно же – добрый славный Кэри Россингтон, провалиться мне на этом месте!

Да. Добрый старый Кэри Россингтон, перед которым Билли оспаривал полтора десятка муниципальных судебных дел. Добрый старый Кэри Россингтон, с которым Билли время от времени играл в покер в клубе. Добрый старый Кэри Россингтон, который не уронил себя, когда его старый приятель по гольфу и покеру Билли Халлек (Кэри иной раз хлопал его по спине и орал: «Ну, как твои... висят. Большой Билл?!») предстал перед ним не для того, чтобы оспаривать статью муниципального закона, а по обвинению в убийстве в результате наезда автомобиля.

И когда Кэри Россингтон не ударил лицом в грязь, все сделал как положено – кто сказал детишкам: У-у-у-у-у?! Кто их напугал? Кто нашелся во всем замечательном городе Фэйрвью, чтобы пугать детишек?! Да никто! Никто их не пугал. Да и кто они такие, в конце-то концов? Всего лишь сброд грязных цыган. Чем скорее они уберутся из Фэйрвью в своих универсалах и трейлерах,

облепленных пошлыми наклейками, тем лучше. Чем быстрее...

...Тем хуже.

Хейди раздавила сигарету в пепельнице.

– Я тебя слишком хорошо знаю. Вся эта затея с застройкой – дерьмо.

Билли предполагал то же самое. Предполагал, что и она над этим серьезно думает. Лицо ее было сегодня слишком бледным, и выглядела она на свои тридцать пять, что случалось редко. Поженились они уж очень молодыми, юными прямо. Он до сих пор помнил, как коммивояжер, явившийся к ним спустя три года после свадьбы, предлагая пылесосы, посмотрел на двадцатидвухлетнюю Хейди Халлек и вежливо спросил: «Девочка, а твоя мама дома?»

– Хм... аппетит ты мне такими сравнениями все равно не испортишь, – сказал он, и верно: яичница была уничтожена довольно быстро, от бекона не осталось и следа. Он выпил половину бокала апельсинового сока и подарил в благодарность большую улыбку доброго славного Билли Халлека. Она попыталась изобразить ответную улыбку, но не очень-то получилось. Он представил себе дощечку, висящую на ней: «Мой улыбатор временно вышел из строя». Протянул ей руку через стол. – Хейди, все теперь в порядке. Даже если и нет, все равно – закончено.

– Да, да, я знаю. Знаю.

– А Линда?..

– Все прекратилось. Она говорит... говорит, подруги ей сочувствуют... поддерживают.

В течение недели после того, как это стряслось, его дочери пришлось туго. Из школы она приходила вся в слезах или на грани слез. Пропал аппетит, стала бледной. Халлек решил с ума не сходить и шума не затевать. Поговорил с классной руководительницей, с завучем и любимой преподавательницей Линды по физкультуре и урокам парадных маршей для девочек мисс Ниринг. В итоге

удостоверился (ах, какое славное юридическое словечко!) в том, что дочку дразнили. Подшучивания и подкалывания были грубыми и не смешными, как и водится у девчонок ее возраста, к тому же весьма плоскими, учитывая обстоятельства: ну чего иного можно ожидать, если шутки про мертвого ребенка были верхом остроумия?

Он предложил Линде прогуляться с ним пешком по улице. Улица Лантерн драйв застроена по обеим сторонам безвкусными домами с палисадниками. Стоимость этих жилищ составляла примерно 75 тысяч долларов. Цена возрастала по мере приближения к местному клубу и достигала 200 тысяч, но это уже с плавательными бассейнами и саунами внутри каждой виллы.

Линда была в шортах, одна штанина поползла по шву... и Халлек заметил, что ноги так вытянулись, что из-под шорт виднелись нижние желтые трусики. Сердце кольнуло жалость и страх. Девочка росла и, видимо, сама понимала, что шорты ей уже малы и слишком изношены. Подумал: бедная девочка надевала их, потому что чувствовала подсознательно – они служили ей мостиком в безопасное детство, в то самое детство, где папочки не предстают перед судом (не важно, сколь краток процесс перед лицом твоего старого партнера по гольфу и пьяного нахала, лапающего груди твоей жены, – Кэри Россингтона, который отобьет молотком приговор).

Ты понимаешь, Линди, что это был несчастный случай?

Она кивает, не глядя на него.

Да, папа.

Она появилась между двумя автомобилями и не глядела по сторонам. Я просто не имел возможности остановиться. Абсолютно не было времени.

Пап, я не хочу больше слушать про это.

Я знаю. И сам не хочу об этом говорить. Но ты же слышишь обо всем... в школе.

Она со страхом смотрит на него. Пап! А ты что, в школу?..

Ходил? Да, ходил. Но в половине четвертого, вчера, не раньше. Там никаких детей уже не было. Я никого не видел, никто не узнает.

Она испытывает облегчение.

Я слышал, что другие дети тебе житья не дают. Мне очень жаль.

Да нет, не так уж страшно, говорит она, взяв его за руку. А ее лицо со свежей россыпью агрессивно-красочных угрей на лбу говорит совсем иное. Эти угри словно кричат ему, что мир с ней жесток. Вот какова расплата за то, что отец был арестован.

Я слышал также, что ты держишься молодцом. И не делаешь из этого большой проблемы. Потому что, если чужие заметят слабинку, они тебя достанут.

Да, я знаю, мрачно отвечает она.

Мисс Нириг сказала, что прямо гордится тобой, говорит он. Немножко привирает. Мисс Нириг такого не говорила, но, во всяком случае, хорошо отзывалась о Линде, а это для Халлека значит многое, не меньше, чем для его дочери. И цель достигнута. Впервые ее глаза оживляются, когда она смотрит на Халлека.

Что, она прямо так и сказала?

Так и сказала, подтверждает Халлек. Ложь дается легко и звучит убедительно. Почему бы и нет? Последнее время он и так много врал.

Она стискивает его ладонь и благодарно улыбается.

Им очень скоро все это надоест, Линди. Найдут другую кость, чтобы грызть. Какая-нибудь девочка нечаянно забеременеет, с какой-нибудь учительницей случится истерика или какой-нибудь пацан попадет на торговле гашишем. Тут тебя, как говорится, и снимут с крючка. Поняла?

Внезапно она раскидывает обе руки и крепко обнимает его. Он решает, что она, в сущности, не так уж быстро растет и что не всякая ложь есть зло. Папочка мой

любимый, говорит она.

И ты моя любимая девочка, Линди.

Он тоже обнимает ее, и в этот момент кто-то на всю катушку в его мозгах врезает стретеоусилитель, и он слышит снова двойной стук: первый – когда передний бампер его «девяносто восьмого» бьет по старой цыганке с ярким алым платком на голове, второй – когда передние колеса подпрыгивают на ее теле.

Вопли Хейди.

Халлек еще крепче обнимает свою дочь, ощущая на коже мурашки.

– Сделать еще яичницу? – спросила Хейди, нарушив его раздумья.

– Нет. Нет, спасибо. – Он виновато посмотрел на пустые тарелки: как бы ни шли дела, хоть из рук вон плохо, они никогда не лишали его ни сна, ни аппетита.

– Ты уверен, что?..

– О'кей! – Он улыбнулся. – Ты – о'кей, я – о'кей, Линда – о'кей. Как говорят в мыльных операх, кошмар позади, нельзя ли нам вернуться к нашей жизни?

– Прекрасная идея. – И на сей раз она смогла ответить ему вполне искренней улыбкой.

Внезапно ей стало снова меньше тридцати.

– Дожарить тебе бекон? Там еще два кусочка осталось.

– Нет, – сказал он, вспомнив, как врезались трусы на талии (талиа называется! Ха-ха! Последний раз у тебя была талиа где-то в 1978 году – шайба ты хоккейная!), то и дело приходится живот поджимать. Вспомнил про весы и сказал: – А знаешь, давай-ка еще один кусочек. Три фунта сбросил как-никак.

Жена уже возилась у плиты. Несмотря на его первоначальное «нет». Иногда она видит меня насквозь до такой степени, что это даже угнетает, – подумал он. Хейди обернулась.

– А ты все думаешь об этом?

– Да нет же! – отрезал он. – Ну может, в конце концов, человек тихо-мирно сбросить три фунта веса? Ты же сама говоришь, что хотела бы видеть меня немножко...

худеющим

...не таким толстым. – Ну вот, опять Хейди навела его на мысли о цыгане. Будь он неладен! Изъеденный нос цыгана, его чешуйчатый скрюченный палец, коснувшийся щеки прежде, чем он успел отшатнуться. Так отшатываются от прикосновения паука или от шевелящегося месива жуков и червей под трухлявым бревном.

Хейди поставила перед ним бекон и поцеловала в висок.

– Извини. Ешь и теряй вес. Но помни, что там Билли Джоэл говорит на этот счет...

I like you just the way you are...

«Люблю тебя такой, как есть...» – пропели они в унисон.

Он схватил было «Джорнэл», но показалось слишком тоскливо. Поднялся из-за стола, вышел из дома, подобрал на цветочной клумбе нью-йоркскую «Таймс». Этот мальчишка-почтальон непременно швырнет газету на цветы. К тому же он так и не удосужился запомнить фамилию Билли. Что взять с двенадцатилетнего подростка?

Вернувшись с газетой, Халлек раскрыл ее на спортивных новостях и принялся за бекон. Когда Хейди поставила перед ним еще одну сдобу, облитую тающим сливочным маслом, он уже основательно углубился в таблицу результатов игр. Халлек машинально съел и сдобу, не обратив на это обстоятельство никакого

внимания.

Глава вторая: 245

В городе судебный процесс по поводу строительных недоделок длился уже более трех лет, и можно было ожидать, что он протянется еще столько же, если не больше. И вдруг все неожиданно закончилось наилучшим образом. Истец во время перерыва в судебных заседаниях согласился на смехотворно низкую неустойку. Халлек не растерялся и подсунул своему клиенту на подпись бумагу о добрых намерениях. Клиент, хозяин фабрики красителей из Скенектади, в присутствии своего потрясенного адвоката взял и подписал все шесть копий письма, а судебный нотариус немедленно заверил подлинность подписей. Билли сидел во время всей процедуры неподвижно, скрестив пальцы на коленях, чувствуя себя так, словно выиграл в нью-йоркскую лотерею. Еще до обеденного перерыва дело было улажено и закрыто.

Билли потащил своего клиента к О'Ланни, заказал «Чивас» с водой для клиента и мартини – для себя. Потом позвонил домой Хейди.

– Мохонк, – коротко сообщил он ей, когда та подняла трубку. Так назывался курорт неподалеку от Нью-Йорка, где они давным-давно провели свой медовый месяц (подарок от родителей Хейди) и влюбились в это место и с тех пор нередко проводили там отпуск.

– Что?

– Мохонк, – повторил он. – Если не хочешь, попрошу Джулиан из конторы.

– Ну уж фигушки! Билли, а в чем дело?

– Ты хочешь поехать или нет?

– Ты что? Конечно! На этот уик-энд?

– Завтра же, если договоришься с миссис Бин, чтобы она прибыла и позаботилась о Линде. Пусть проследит, чтобы все было вымыто, оргии не устраивались и чтобы...

Его слова заглушил радостный вопль Хейди:

– Билли! Неужто?! Неужто получилось?!

– Кэнли намерен успокоиться. Кэнли уже успокоился. После почти четырнадцати лет дурацких волокит твой супруг победил для хороших ребят. Победа неоспорима. С Кэнли договорились по-хорошему, и я теперь – король!

– Ой, Билли! Блеск! – завизжала она на сей раз так громко, что в трубке засвистало, и Билли отодвинул ее в сторону.

– Как думаешь, Линда не будет возражать, если мы смоемся на пяток дней?

– Она только рада будет! Представляешь, сидеть у телека до часу ночи, болтать с Джоржией Дивер о мальчиках и лопать мой шоколад! А может, ты шутишь? Не холодновато ли будет в такое время? Твой джемпер упаковать? Возьмешь куртку или пальто? Или и то и другое?

Он предложил ей выбрать вещи по своему усмотрению и вернулся к клиенту. Клиент уже наполовину осушил большой бокал виски «Чивас» и желал рассказать польские анекдоты. На радостях он выглядел так, словно его пыльным мешком по голове огрели. Халлек отпил мартини и вполуха выслушал избитые остроты о польских плотниках и польских ресторанах. Мысли его витали далеко отсюда. Дело могло бы иметь далеко идущие последствия. Конечно, рановато говорить о серьезной перемене в его карьере, но – чем черт не шутит? Очень недурно выиграть процесс с крупной фирмой. Это может означать, что...

первый удар качнул Хейди вперед, она невольно стиснула пальцы; он смутно ощутил боль в гениталиях. Удар был такой резкий, трудно вообразить, что с ними случилось бы, если бы не ремни безопасности. Кровь брызнула вверх – три капли размером с монетку оросили ветровое стекло. Хейди еще не визжала – это будет позднее, – а он не успел ничего сообразить. Понимание происшедшего пришло со вторым ударом. И он...

допил остатки мартини. На глаза навернулись слезы.

– С вами все в порядке? – забеспокоился клиент по имени Дэвид Дагенфилд.

– В порядке... Даже не представляете себе, до какой степени все в порядке. – Билли протянул руку клиенту. – Поздравляю, Дэвид. – Он больше не будет думать о несчастном случае, больше не будет вспоминать о цыгане с гниющим носом. Он стал отличным парнем, и это ощущалось в крепком рукопожатии Дагенфилда, в его немного усталой улыбке.

– Спасибо тебе, друг, – сказал Дагенфилд. – Большое спасибо. – Он вдруг перегнулся через стол и неуклюже обнял Билли Халлека. Билли тоже слегка стиснул его в объятиях. Но когда клиент опустил руки и случайно задел пальцем щеку Билли, ему вновь вспомнилось зловещее прикосновение цыгана.

Он коснулся меня, подумал Халлек, и хотя это было прикосновение клиента, друга, он невольно содрогнулся.

Возвращаясь домой, он пытался думать о Дагенфилде, потому что мысли эти были приятными, но когда проезжал по мосту Триборо, обнаружил, что думает о Джинелли.

Почти всю середину дня он провел с Дэвидом Дагенфилдом в ресторане О'Ланни. Но первое, что пришло в голову, – повести своего клиента к «Трем братьям», ресторан, которым негласно заправлял Ричард Джинелли. Кажется, годы прошли с тех пор, как Халлек посетил «Братьев» в последний раз. Учитывая репутацию Джинелли, это было неразумно. Но он прежде всего вспомнил «Трех братьев», где были прекрасные обеды и вообще можно неплохо провести время, хотя Хейди не очень жаловала это место и самого Джинелли. Билли полагал, что она его боится. Он проезжал мимо Ган-Хилл-роуд, когда мысли вновь вернулись к цыгану, как приученный конь непременно возвращается в свою конюшню.

Сперва ты подумал о Джинелли. Когда ты в тот день вернулся домой и Хейди плакала, сидя на кухне, ты первым делом подумал о Джинелли. «Слушай, Рич, я сегодня убил старую женщину. Могу я заглянуть к тебе в городе? Потолковать надо».

Но Хейди была рядом, и она бы его не поняла. Рука Билли, потянувшаяся к телефону, вернулась обратно. Внезапно до него дошло: он, преуспевающий юрист из Коннектикута, попав в скверную ситуацию, ничего лучшего не придумал, как обратиться к нью-йоркской шпане, к парню, имевшему привычку расстреливать конкурентов.

Джинелли – высокий мужчина, не красавец, но и не урод. У него был сильный, приятный голос, который никак не вязался с образом свирепого уголовника и убийцы. Судя по полицейским бумагам, он был связан со всеми тремя братьями. В тот день Билли хотел услышать именно его голос, после того как шеф полиции Фэйрвью Данкен Хопли отпустил его.

– ... или так и будете сидеть весь день?

– А? – Билли очнулся от своих размышлений. Обнаружил, что сидит за столиком в переполненном ресторане.

– Я говорю, платить будете или...

– А? Да, да! – Билли торопливо вытащил деньги, забрал у официанта сдачу и вместе с клиентом покинул ресторан.

Теперь, возвращаясь на машине домой из Нью-Йорка, подумал, что Дагенфилд не смог отвлечь его от навязчивых мыслей. Что же, попробуем Мохонк. Надо в конце концов отделаться от старой цыганки, от старого цыгана, хотя бы на время забыть о них.

И снова он вспомнил Джинелли.

Билли познакомился с ним через фирму, которая семь лет назад выполняла какую-то работу для Джинелли. Халлеку поручили это дело как самому младшему юристу. Ни один из старших и солидных адвокатов не пожелал связываться с Джинелли, поскольку уже тогда репутация его была весьма скверной. Билли не стал спрашивать Кирка Пеншли, зачем вообще фирма согласилась иметь Джинелли в качестве клиента. Понимал, что в ответ ему предложат заниматься своими бумагами и не соваться к руководителям с вопросами по поводу их политики. Он подозревал, что у Джинелли имеется какой-нибудь скелет в шкафу, фигурально выражаясь.

Халлек начал свою трехмесячную работу в качестве адвоката ассоциации «Трех братьев», ожидая, что будет с трудом преодолевать антипатию и страх перед своим клиентом. Но вместо этого увлекся личностью Джинелли. Тот оказался притягательной персоной, с ним было просто интересно общаться. Более того, и Джинелли отнесся к Билли с подчеркнутым уважением, которого тот не удостоивался в своей фирме целых четыре года.

Билли притормозил машину у Норуолкского турникета, чтобы оплатить выезд на магистраль. Машинально открыв «бардачок», вытащил из-под дорожной карты пачку печенья и принялся рассеянно жевать. Крошки посыпались ему на грудь.

Вся работа с Джинелли была завершена задолго до того, как главный суд Нью-Йорка выдвинул против него иск за организацию гангстерских расправ накануне войны наркобанд. Обвинение было выдвинуто Верховным судом Нью-Йорка весной 1980 года и благополучно похоронено осенью 1981-го – главным образом из-за пятидесятипроцентной смертности среди основных свидетелей обвинения. Например, один взорвался в автомобиле, где находился вместе с тремя охранявшими его полицейскими. Другой скончался, когда ему проткнули горло отломанной рукояткой зонтика. В этот момент свидетель сидел перед чистильщиком сапог.

Два решающих свидетеля, естественно, заявили, что они вовсе не уверены в том, что подслушали именно голос Ричи Джинелли, когда тот отдавал приказание убить бруклинского наркобарона по фамилии Ричовски.

Западный порт. Южный порт. Почти приехал. Халлек снова пошарил в «бардачке», нащупал пакетик арахиса, который подавали в самолете. Малость залежалый, но есть можно. Билли Халлек принялся жевать орехи, не ощущая вкуса.

Он и Джинелли все эти года обменивались рождественскими открытками, иногда встречались, чтобы поужинать или пообедать, – обычно у «Трех братьев».

Постепенно совместные обеды прекратились. Виной тому отчасти была Хейди, которая прониклась глубокой антипатией к Джинелли, а отчасти и сам Рич.

– Ты воздержись на время от визитов сюда, – сказал он однажды Билли.

– Почему это? – невинно спросил Билли, словно только вчера вечером не грызлись с Хейди из-за этого.

– Ну, потому, что, с точки зрения общественности, я – гангстер, – ответил Джинелли. – Понимаешь, Уильям, молодых адвокатов, которые общаются с гангстерами, по службе не продвигают. В этом все дело. Я хочу, чтобы ты был чистеньким, незамаренным и рос по службе.

– Хм... значит, в этом все дело?..

Джинелли как-то странно улыбнулся:

– Н-ну, в общем... есть и другие причины.

– Какие же?

– Уильям, я надеюсь, тебе никогда не придется узнать об этом. Но время от времени ты все же заглядывай кофейку попить. Поболтаем, поохвим. Короче, не пропадай, вот что я хочу тебе сказать.

И Билли время от времени заглядывал (хотя признавал, что такие визиты становились все реже и реже), а когда оказался перед судом по обвинению в наезде и убийстве по небрежности, он прежде всего вспомнил Джинелли.

Но добрый старый бабник Кэри Россингтон обо всем позаботился, шепнул ему разум. Зачем вдруг задумался о Джинелли? Мохонк – вот о чем стоит думать. И о Дэвиде Дагенфилде, который принес удачу. И о потере нескольких фунтов веса.

Однако, подъезжая к дому, он поймал себя на том, что опять вспоминает фразу, сказанную ему Джинелли: Уильям, я надеюсь, тебе никогда не придется узнать об этом.

«Узнать – что?» – подумал Билли. А навстречу бежала Хейди, которая обняла и поцеловала его, и Билли на время забыл обо всем.

Глава третья: Мохонк

Это была их третья ночь в Мохонке, и они как раз закончили заниматься любовью – шестой раз за три дня: головокружительная перемена после скромных двух раз в неделю. Билли лежал рядом с ней, испытывая удовольствие от аромата духов «Анаис-Анаис», смешанного с запахами ее чистого пота и секса. На какой-то миг в лениво-блаженные размышления опять вплелся образ старой цыганки за мгновение до того, как его «олдс» нанес удар. Послышался звон бутылочки «Перье», и образ пропал.

Он повернулся к жене и крепко обнял ее.

Она обхватила его одной рукой, а другой провела по его бедру.

– Ты знаешь, – сказала она, – если я кончу еще раз, то потеряю часть мозга, могу вообще стать безмозглой.

– Да сказки все это! – Билли улыбнулся.

– Что мозги теряются при оргазме?

– Чушь. Чушь, что якобы теряешь мозговые клетки от секса. Если это и происходит, то они потом восстанавливаются. Это точно.

– Ну, раз ты так говоришь...

Она удобнее прижалась к нему. Рука, блуждавшая по его бедру, слегка коснулась пениса, пошевелила растительность (в прошлом году он с разочарованием обнаружил там седину) и погладила его живот.

Внезапно она приподнялась на локте, немного испугав его. Он только начал дремать.

– Послушай, а ты и в самом деле потерял в весе!

– М-м-м?..

- Билли Халлек, ты худеешь!

Он шлепнул себя ладонью по животу, который иногда называл «домом, который построил Будвейзер», и засмеялся.

- Не слишком-то. Все равно выгляжу, как единственный мужик в мире на седьмом месяце беременности.

- Да, ты еще пока толстый, но не такой, как прежде. Уж я-то знаю. Когда последний раз взвешивался?

Он подумал и вспомнил: в то утро, когда договорились с Кэнли. Он тогда весил 246.

- А! Ну помнишь - я еще тебе сказал, что потерял три фунта?

- Ты утром первым делом взвесься.

- А здесь в ванной весов нет, - сказал Халлек удовлетворенно.

- Шутишь, что ли?

- Нет. Мохонк - цивилизованное место.

- Надо найти весы.

Он начал задремывать. Пробормотал:

- Ну, если хочешь...

- Хочу.

«Хорошая жена», - подумал он. Последние пять лет, когда он начал устойчиво прибавлять в весе, то и дело объявлял, что садится на диету и начинает заниматься физзарядкой. Но диеты немедленно становились самообманом: то

утром сосисок перехватит помимо кефира или наспех проглотит пару гамбургеров в субботу, пока Хейди отсутствует где-нибудь на аукционе или распродаже шмоток. Пару раз даже остановился в паршивой забегаловке, где торговали горячими сэндвичами с мясом. Впечатление такое, что микроволновая печь выпаривала мясо, оставляя только кожу. Тем не менее набрал этих тощих бутербродов и съел все без остатка. Пиво свое любил по-прежнему, хотя еда оставалась главным удовольствием. Устоять перед кулинарными соблазнами он просто не мог, а уж когда следил за каким-нибудь матчем по телеку, то грыз все, что под руку подворачивалось.

Утренняя зарядка длилась обычно с неделю, потом оказывалось, что некогда, или просто пропал интерес. В прихожей покрывался пылью набор гантелей. Каждый раз, когда спускался вниз, ему казалось, что гантели смотрят на него с обидой и укором. Поэтому старался лишней раз не смотреть в ту сторону.

Потом Билли изо всех сил втягивал живот и заявлял Хейди, что сбил вес до 236. Она в таких случаях кивала головой, говорила, что это хорошо, что она довольна и замечает разницу. Но она также замечала в мусорном ведре пустые пакеты из-под чипсов, кукурузы и прочего. С тех пор как Коннектикут принял закон о приеме стеклотары, скопления пивных бутылок в чулане стали не меньшим укором, чем покинутые гантели.

Она видела его спящим. Хуже того, видела, как он делает пи-пи. А ведь когда справляешь малую нужду, втянуть живот никак не удастся. Он попытался, но оказалось невозможно. Она знала, что фунта три он потерял, от силы – четыре. Можешь, конечно, дурачить свою жену, если ты завел любовницу, но весом ее не проведешь. Женщина, которая по ночам время от времени ощущает этот вес на себе, четко знает, сколько ты вешишь. Но она улыбалась и говорила: Конечно, дорогой, ты выглядишь лучше. Может, и не все было продиктовано ее добротой – он ведь тоже помалкивал насчет сигарет. Просто таким путем она поддерживала в нем чувство собственного достоинства.

– Билли?

– А? Что? – Он снова очнулся от дремы и взглянул на нее недовольно.

– А чувствуешь ты себя хорошо?

– Хорошо... нормально... Слушай, зачем эти вопросы?

– Понимаешь... иногда говорят, что неожиданная потеря веса может быть признаком чего-то.

– Ой, да я отлично себя чувствую. А ты мне не даешь заснуть. Придется доказать тебе... прыгнуть еще раз на твои кости, что ли?

– Давай.

Он застонал, а она рассмеялась. Вскоре оба заснули. Он видел сон. Оба снова выходят из магазина «Купи и сэкономь». Только теперь Билли осознавал, что видит сон, и знал, что должно будет случиться. Хотел сказать Хейди, чтобы она прекратила свои манипуляции, поскольку ему необходимо сосредоточиться на дороге: ведь скоро между двумя припаркованными автомобилями выскочит цыганка, точнее, между желтым «субару» и темно-зеленым «файрбердом». Ее седые волосы заколоты грошовой пластмассовой прищепкой, и она не будет смотреть по сторонам, а только прямо перед собой. Билли хотел сказать Хейди, что это их единственный шанс вернуть все назад, изменить, сделать правильным.

Но он не мог произнести ни слова. Наслаждение пробудилось от прикосновения ее пальцев. Сначала они легонько поигрывали, потом взялись за дело всерьез (его член твердел во сне, он слегка отвлекся от дороги при звуке застежки-молнии, которую она открывала небольшими рывками); наслаждение смешалось с ощущением страшной неизбежности. Вот уже показался впереди желтый «субару», припаркованный позади зеленого «файрберда» с белой полосой. Между ними ярко вспыхнули язычески пестрые цвета, куда более яркие, чем рекламные щиты Детройта или «тойота-вилладж». Билли попытался закричать: Перестань, Хейди! Вот же она! Я ее снова убью, если ты не прекратишь! Умоляю. О Боже, нет! Нет! Умоляю тебя, Господи!

Но фигура уже появилась между двух машин. Халлек попытался отпустить педаль акселератора и нажать на тормоз, но нога словно прилипла к проклятому акселератору и продолжала давить на него со всей силой. Руль заклинило, он весь сжался перед ударом, и тогда голова цыганки повернулась к нему, но перед ним была вовсе не старуха! Это был цыган с гниющим носом, у которого не было глаз. В тот момент, когда его «олдсмобиль» врезался в него, сбив с ног,

Халлек успел увидеть пустые глазницы, обращенные прямо к нему. Губы старого цыгана образовали полумесяц зловещей улыбки под его кошмарным носом.

Взметнулась сморщенная рука над капотом «олдса», кованые кольца, браслеты язычников. Три капли крови на ветровом стекле. Смутное ощущение острой боли, когда пальцы Хейди впились в него в момент оргазма, ускоренного шоком.

И услышал шепот, перекрывший отчетливо все другие звуки. Он донесся снизу, сквозь ковровое покрытие дорогого автомобиля: Худеющий. Билли проснулся, вздрогнув. Повернулся на бок и бросил взгляд в окно. Горло перехватил спазм. Он захлебнулся криком. Серп луны улыбкой завис над Адирондаками. На один миг ему увиделся старый цыган: голова слегка склонена набок, глаза – две яркие звездочки, заглядывавшие в их комнату во тьме ночи. Их свет – мертвенно-холодный, как у светлячков или огоньков на болоте, которые ему довелось видеть в Северной Каролине. И холодная улыбка полумесяца, таившая замысел мести.

Билли судорожно перевел дух, зажмурил глаза и снова раскрыл их. Луна снова стала луной. Спустя три минуты он уснул.

Новый день выдался ясным, и Халлек сдался на уговоры супруги вскарабкаться к тропам Лабиринта. Земли Мохонка были испещрены сложной сетью туристских троп: от самых обыкновенных до очень трудных. Лабиринт считался «умеренным», и во время медового месяца они с Хейди дважды совершили восхождение. Он помнил, какое удовольствие доставляли ему эти прогулки, – карабкался по кручам, а следом за ним – Хейди, смеющаяся, требующая, чтобы он поторапливался, увалень этакий. Помнил, как протискивались через узкую расщелину. Он зловещим голосом бормотал своей молодой жене: «Ты чувствуешь, как трясется под ногами почва?» – это когда они протискивались в самую узкую часть. Было очень тесно, но она ухитрилась шлепнуть его по заднице.

Халлек признался самому себе (но никогда, никогда – Хейди), что теперь больше всего боялся этих узких щелей. Во времена медового месяца он был стройным парнем, крепким, благодаря работе на лесоповале в западном Массачусетсе. Теперь он стал на шестнадцать лет старше и на много фунтов тяжелее. Весельчак доктор Хустон обрадовал его сообщением, что он вступил в возраст пороков сердца. Мысль об инфаркте на полпути в горы была тревожащей, хотя не слишком. Гораздо актуальнее опасность застрять в одной из тех узких

каменных глоток, через которые вились тропы к вершине. По крайней мере через четыре таких прохода придется с трудом протискиваться.

Ужасно не хотелось застрять в таком месте.

Или еще вариант: бедняга Билли Халлек застревает в расщелине и тут же получает инфаркт. Два удовольствия сразу!

В конце концов он согласился попробовать, при условии, что она одна доберется до вершины, если он вдруг окажется не в форме, чтобы продолжать восхождение. И еще одно условие: сначала они зайдут на «Нью-Плац» и купят там ему мокасины «сникерс». Хейди приняла оба условия с готовностью.

В городе Халлек обнаружил, что «сникерс» успели уступить место иной продукции и никто больше даже не помнит, что это такое. Он купил пару зелено-серебристых спортивных туфель с цепкими подошвами для восхождений в горы и с большим удовольствием примерил удобную обновку. Тут же припомнил, что не носил матерчатых туфель пять... нет, шесть лет. И вот нынче снова надел такие.

Хейди восторгалась ими и говорила, что он точно выглядит похудевшим. У выхода из обувного магазина стояли весы-автомат с рекламой ТВОЙ ВЕС – ТВОЯ СУДЬБА. Халлек видел такую рекламу в последний раз, когда был еще мальчишкой.

– А ну, прыгай, герой! – сказала Хейди. – Вот монетка.

Халлек почему-то не сразу встал на весы, испытывая смутное беспокойство.

– Давай скорее! Хочу посмотреть, сколько ты сбросил.

– Хейди, ты же знаешь, что эти уличные весы врут.

– Ну и пускай! Давай, Билли, смелей!

Он нехотя передал ей сумку и встал на весы. Она бросила монетку. Монетка звякнула, и на панель автоматически выдвинулись две серебристые

металлические пластинки. Над той, что повыше, был указан вес, пониже – его будущее, его судьба. Халлек удивленно вздохнул.

– Я так и предполагала, – сказала Хейди, стоя возле него. В голосе недоумение и сомнение, словно не знала – радоваться, бояться или сомневаться. – Я знала, что ты похудел!

Позднее Халлек подумал, что ее невольный возглас удивления был вызван тем фактом, что он во всей своей одежде, со швейцарским ножом в кармане, с обильным завтраком в желудке весил 232. Четырнадцать фунтов потери веса с тех пор, как уладил дело Кэнли.

Но не столь стремительная потеря веса заставила его изумиться. Предсказание будущего! Нет, там не было банальностей типа ФИНАНСОВЫЕ ДЕЛА СКОРО УЛУЧШАТСЯ, или ВИЗИТ СТАРЫХ ДРУЗЕЙ, или НЕ ПРИНИМАЙТЕ ПОСПЕШНЫХ РЕШЕНИЙ.

Там было лишь одно слово черными буквами: ХУДЕЮЩИЙ.

Глава четвертая: 227

По дороге в Фэйрвью оба в основном молчали. Хейди вела машину, пока до Нью-Йорка не осталось миль пятнадцать и движение стало довольно плотным. Припарковались на обочине, и она уступила ему место за рулем. Водительских прав его никто не лишал. Верно, что старуха погибла, что труп ее был страшно изуродован, но Билли Халлек так и не получил ни единого прокола в водительских правах Коннектикута. Добрый старый бабник Кэри Россингтон об этом позаботился.

– Ты что, не слышишь, Билли?

Он бросил на нее мимолетный взгляд и вновь сосредоточился на дороге. Халлек стал теперь куда более дисциплинированным водителем: клаксоном почти не пользовался, рукой из окна автомобиля не размахивал, лучше примечал ошибки других и менее склонен был их прощать. Конечно, убийство старой цыганки

уважения к себе не прибавило, да еще и ночными кошмарами замучило, но водителя из него сделало образцового.

- Ой, прости... я не расслышал...

- Я просто сказала - «Спасибо тебе за чудесные каникулы». - Хейди улыбнулась и погладила его по руке. Для нее небольшой отпуск действительно получился отличным. Она умела выбросить из головы все негативное: старую цыганку, судебное разбирательство, цыгана с разлагающимся носом. Все это для Хейди стало неприятностями прошлого, вроде периода дружбы Билли с тем нью-йоркским головорезом.

Но пришла иная мысль, и улыбка исчезла с ее лица, когда она снова внимательно посмотрела на мужа.

- Не за что, - ответил он. - Всегда рад услужить, моя дорогая.

- Когда прибудем домой...

- Я снова прыгну на твои кости! - с наигранным энтузиазмом воскликнул он и изобразил широкую улыбку. На деле он думал, что вряд ли бы поднялся, даже если бы перед ним прошелся парад далласских «Каугерлз» в костюмчиках голливудского Фредерика. И дело было вовсе не в том, что в Мохонке они вдруг зачастили. Дело было в «судьбе» - ХУДЕЮЩИЙ. Не могло быть на весах такого предсказания - просто игра воображения. Нет, все выглядело не менее реальным, чем название газеты. Вот что было самым страшным - реальность этой надписи: ХУДЕЮЩИЙ! Да никакому безумцу в голову не пришло бы вставлять в набор предсказаний подобное. У «предсказателей» набор всегда был один и тот же, вроде предстоящего путешествия или встречи со старыми друзьями. Никогда не бывало и быть не могло даже такой более деликатной формы, скажем: вам предстоит немного сбавить вес.

Значит, имела место галлюцинация.

Именно так!

Отсюда следует, что у него крыша поехала.

Ну, ну, брось! Это уже слишком.

Да нет, не слишком. Плохая новость, когда воображение выходит из-под контроля.

- Ты, конечно, можешь прыгнуть на меня, если хочешь, - сказала Хейди, - но я желала бы, чтобы ты прыгнул на весы в ванной...

- Ладно тебе, Хейди! Ну, сбросил в весе - подумаешь, дело!

- Я даже горжусь тем, что ты возвращаешь себе форму, Билли. Но мы с тобой последние пять дней были постоянно вместе, и мне просто в голову не приходит, почему и как ты теряешь вес.

Он внимательно посмотрел на нее, но она не ответила взглядом: смотрела прямо перед собой в ветровое стекло, сложив руки на животе.

- Хейди...

- Ты ешь столько же, сколько всегда. Даже, может быть, немного больше. Горный воздух, знаешь, возбуждает аппетит.

- Не надо подслащивать пилюлю, - сказал он, притормаживая, чтобы бросить в автомат дорожную пошлину. Губы его сжались, а сердце забилось чаще. Внезапно супруга вызвала в нем раздражение. - Скажи прямо, что я прожорливый боров. Чего крутиться вокруг да около? Я не обижусь.

- Ну зачем ты так?! - воскликнула она. - Зачем ты меня обижаешь? Билли, ведь все было так чудесно.

Ему не надо было оборачиваться к ней на сей раз, чтобы понять по ее дрогнувшему голосу, что она на грани слез. Он тут же раскаялся, но раскаяние не убило раздражения и страха, который таился под ним.

- Я не хотел тебя обидеть, - сказал он, стиснув руль так, что костяшки на пальцах побелели. - Никогда. Но терять в весе - это же хорошо, Хейди. И не стоит меня за это бить.

– Да не всегда это хорошо! – крикнула она. Он даже вздрогнул, и машина слегка вильнула. – И ты сам прекрасно понимаешь, что это вовсе не всегда хорошо!

Теперь она плакала и рылась в сумочке в поисках салфетки. Он протянул ей свой платок, и она вытерла глаза.

– Можешь говорить все что хочешь, Билли. Можешь злиться, можешь придирается ко мне. Можешь вообще испортить все впечатление от нашего отпуска, если хочешь. Но я люблю тебя, Билли, и я должна сказать то, что нужно сказать. Когда люди начинают терять вес без всякой причины, это может означать заболевание. Это даже одно из семи предостережений рака. – Она сунула ему платок обратно. Когда он взял его из ее рук, пальцы Хейди были холодными.

Слово было произнесено. Рак. Рифма: рак – дурак. Одному Богу известно, сколько раз это слово возникало в голове с тех пор, как он встал на весы возле обувного магазина. Так отворачиваешься от назойливых крикливых нищих... или от хватких цыганят, бегущих по улице впереди табора. Цыганята пели странные песни – вроде бы и монотонные, но в то же время завораживающе-приятные. Они умели ходить на руках, удерживая босыми ногами тамбурины. А как они жонглировали! Любой «шапито» за пояс заткнут. Крутят пластмассовые тарелки на пальцах и даже на носу, да еще смеются при этом. Похоже, что все заражены какими-то кожными заболеваниями, много косоглазых, с заячьей губой. Когда обнаруживаешь перед собой внезапно такое дикое сочетание бурной жизненной активности с уродством, ничего не остается, как отвернуться. Нищие, цыганята, рак. Такое беглое порхание мыслей испугало его.

Но все равно – лучше припечатать словом.

– Я себя просто классно чувствовал, – повторил он свою мысль уже, наверное, в шестой раз с тех пор, как Хейди ночью начала задавать вопросы о его здоровье. Да ведь так оно и есть, черт подери! – Я зарядку делал, кстати.

Тоже верно... по крайней мере последние пять дней. И по Лабиринту поднялись вместе. Хоть и одышка мучала всю дорогу, и живот пришлось поджимать в узких расщелинах, но ведь нигде не застрял. Да Хейди сама страдала от одышки даже больше, чем он, – дважды просила остановиться передохнуть. Билли дипломатично не упомянул ее частые перекуры.

– Я верю, что ты себя отлично чувствуешь, – сказала она. – Это замечательно. Но замечательно было бы еще и к врачу сходить. Ты уже более полутора лет у него не проверялся. Уверена, что доктор Хустон по тебе соскучился.

– А я думаю, он сам всего лишь мелкий наркоман.

– Мелкий – что?

– Ничего.

– Билли, говорю тебе, невозможно потерять двадцать фунтов за две недели благодаря лишь утренней зарядке.

– Я не болен.

– Ну, тогда можешь просто посмеяться над моей мнительностью.

Остаток пути до Фэйрвью ехали молча. Халлеку хотелось обнять ее, сказать – да, конечно же, он так и сделает, как она советует. Но помешала странная до абсурдности мысль. Абсурдная, но исключительно тревожная.

Друзья мои! А может быть, у современных цыган появился новый вид проклятия? Как вы смотрите на такую возможность? Прежде они превращали вас в оборотня, насылали демона, чтобы среди ночи он вам башку оторвал, – и все в таком духе. Но времена меняются, не так ли? Что, если этот старик прикоснулся ко мне, чтобы насрать на меня рак? Она права – ни с того ни с сего так в весе не теряют. Такая потеря – предвестница чего-то очень нехорошего. Вроде шахтерской канарейки, которая внезапно помирает в клетке. Рак легких, белокровие... меланома...

Безумная идея, но из головы никак не выходила: что, если он прикоснулся ко мне и насрал на меня рак?

Линда приветствовала их поцелуями и, к обоюдному изумлению, вытащила из духовки великолепную пиццу с грибами. Обслуживала всех на бумажных

тарелочках, на которых нарисовала большого любителя этого блюда, кота Гарфилда. Спросила, как прошел у них второй медовый месяц, и, прежде чем они успели раскрыть рты, чтобы рассказать ей о своем путешествии, она закричала: «Ой! Кстати, чуть не забыла!» – и в течение всего обеда пересказывала им содержание сериала ужасов. Естественно, ей самой это было куда интереснее, чем родителям, но Халлек и его супруга пытались слушать со вниманием. Еще бы – столько новостей за неделю!

Убегая, Линда звонко чмокнула Халлека в щеку:

– Пока, худоба!

Халлек понаблюдал в окно, как она оседлала велосипед и помчалась по улице с развевающимся «хвостом». Потом повернулся к Хейди с потрясенным видом.

– Короче! – сказала она. – Ты намерен меня выслушать?

– Ты ей сказала. Подговорила ее сказать мне такое. Женский заговор, так сказать?

– Ничего подобного.

Он внимательно посмотрел ей в лицо и устало кивнул:

– Ладно... верю.

Хейди решительно погнала его в ванную, где он в итоге разделся донага, повязав только полотенце вокруг поясицы. У него вдруг возникло сильное ощущение дежа-вю. Чувство того, что все это он уже когда-то пережил и видел. Оно было до тошноты острым. Абсолютная копия того момента, когда он вот так стоял на весах с полотенцем вокруг поясицы. Не хватало только запаха яичницы с ветчиной, доносившегося снизу. Все остальное было точным повторением.

Нет. Не точным. Одна вещь не совпадала.

Тогда он вытянул шею, наклонился, чтобы через собственное брюхо разглядеть цифры на весах. Теперь ему наклоняться было не нужно. Весы показывали 229.

– Ну что ж. Теперь все ясно, – сказала Хейди. – Я договариваюсь с доктором Хустоном.

– Да эти весы врут, – слабо возразил Халлек. – Они всегда ввали. Потому я их и любил.

Она посмотрела на него холодно.

– Хватит, друг мой. Достаточно этой болтовни. Последние пять лет ты все сетовал, что весы врут в большую сторону.

В ярком свете ванной он видел, насколько искренне она встревожена. Кожа на ее скулах натянулась.

– Стой здесь, – сказала она и вышла из ванной.

– Хейди?

– Подожди там! – Она спустилась с лестницы вниз.

Вернулась со стандартной коробкой сахара, на которой было крупно отпечатано: «Вес 10 фунтов». Она поставила коробку на весы. На шкале появились цифры «012».

– Я так и думала, – мрачно сказала Хейди. – Я ведь и сама взвешиваюсь. В сторону минуса они не врут и никогда не ввали. Люди с повышенным весом любят неточные весы. Легче отметить реальные факты. Если...

– Хейди...

– Если весы показали 229, значит, на самом деле ты вешишь 227. Так что...

– Хейди...

– Позволь назначить визит к врачу.

Он помолчал, глядя на свои ноги, потом покачал головой.

– Билли!

– Я сам договорюсь о визите к врачу, – сказал он.

– Когда?

– В среду. Поговорю с ним в среду. Хустон по средам после обеда обычно отправляется в клуб и играет в гольф. Я сам с ним поговорю.

– А почему сегодня же не позвонить? Прямо сейчас?

– Хейди, – сказал он. – Не надо. Хватит. – И что-то в выражении его лица убедило ее, что давить больше не следует. В тот вечер она ни словом не затронула болезную тему.

Глава пятая: 221

Воскресенье, понедельник, вторник.

Билли сознательно избегал весов наверху. Наедался от души, хотя голодным себя не чувствовал – скорее сила привычки. Перестал прятать в кладовке пакеты с разными орешками и печеньем. Жевал крекеры с сыром, засахаренную кукурузу, чипсы и прочее, наблюдая футбольные матчи по телевизору в воскресенье. В понедельник с утра на работе ел конфеты, а после обеда бутерброды с сыром. То или другое – или оба вместе повлияли на его пищеварение. С четырех до девяти вечера его ужасно пучило, и он то и дело портил воздух. Линда возмущенно вышла из гостиной, объявив, что вернется только в том случае, если ей дадут противогаз. Билли виновато улыбнулся, но не сдвинулся с места. Его личный опыт подсказывал, что убежать бесполезно. Этот запах словно прилипал к тебе.

Позднее, глядя сериал «Правосудие для всех», он вместе с Хейди съел целый пакет крекеров с сыром «Сара Ли».

Во вторник, возвращаясь домой, купил возле магистрального турникета пару чизбургеров и, управляя машиной, уничтожил бутерброды в один момент.

Когда миновал Западный порт, Билли вдруг ощутил, будто его разум отделяется от тела. Это не было ни мыслью, ни отражением реальности, но именно разделением. Вспомнил чувство физической тошноты, которое ощутил на весах в ванной по возвращении из Мохонка. Ему показалось, что он вступил в новую фазу мышления. словно некая астральная сущность принялась изучать его вплотную, и она стала его попутчиком. Что же видел этот попутчик? Нечто скорее смешное, нежели страшное. Мужчину, которому скоро стукнет тридцать семь, в туфлях «Болли», с контактными линзами «Бош и Ломб», в тройке стоимостью шестьсот долларов. Тридцатилетний толстый американский самец, белый, сидящий за рулем «Олдсмобиль-98» модели 1984 года и пожирающий огромный бутерброд, с которого капает майонез и падают ошметки салата на его темно-серую жилетку. Над таким зрелищем можно только хохотать.

Он выбросил остатки второго бутерброда в окно и с ужасом посмотрел на свои пальцы, запачканные смесью соуса и майонеза. После чего сделал единственно разумную для данной ситуации вещь – расхохотался. И тут же пообещал себе: «Хватит! Этому безобразию пора положить конец».

Вечером, когда он сидел у камина и читал «Уолл-стрит джорнэл», пришла Линда. Пожелала спокойной ночи, поцеловала, слегка отстранилась и сказала:

– Слушай, пап! А ты становишься похожим на Сильвестра Сталлоне!

– О Господи! – воскликнул он, закатив глаза, после чего оба рассмеялись.

Билли Халлек обнаружил, что процедура взвешивания начала обретать черты некоего ритуала. С какого момента это началось? Он не знал. Еще будучи молодым парнишкой, он иногда становился на весы, бросал мимолетный взгляд на шкалу и отправлялся дальше. В какой-то момент, начиная со 190 фунтов и до нынешней почти восьмьюшки тонны, возник этот ритуал.

Какой, к черту, ритуал? – сказал он себе. Привычка. Всего лишь привычка.

Ритуал, упрямо прозвучал шепот из глубин сознания. Он был агностиком и не переступил порога какой-либо церкви с тех пор, как ему исполнилось девятнадцать. Но ритуал распознавал сразу, когда видел его. Процедура со взвешиванием уподобилась коленопреклонению. Ты видишь, Господи, как регулярно я это делаю. Так спаси и сохрани этого белого перспективного юриста от сердечного приступа или от среднестатистического инфаркта в возрасте сорока семи. Именем холестерина и ожирения. Аминь.

Ритуал начинается в ванной. Сначала сними одеяния. Облачись в темно-зеленый плюшевый халат. Брось грязное белье в стиральную машину. Если костюм надевал пару раз и не запачкал, повесь его аккуратно в шкаф на плечики.

В ванную входи с благоговением. Это исповедадьня твоего веса и, соответственно, твоей судьбы. Сними халат, повесь на крюк возле умывальника. Помочись. Если есть хоть малейшие позывы сходить по-большому, сделай непременно. Он понятия не имел, сколько могут в среднем весить его экскременты, но принцип был незыблемым: избавься от любого лишнего груза.

Хейди исподволь заметила этот ритуал и однажды не без легкого сарказма спросила, не желает ли он в подарок ко дню рождения страусиное перо. Тогда, сказала она, он сможет вставлять его себе в глотку и парочку раз блевануть перед тем, как взвешиваться. Билли предложил ей тогда не выпендриваться... а ночью подумал, что идея-то в принципе не такая уж плохая.

И вот наконец однажды утром, в среду, Халлек впервые послал весь этот ритуал к чертовой бабушке. Утром в среду Халлек стал еретиком. Он стал чернее сектантов «черной мессы», поскольку вроде этих поклонников дьявола сознательно перевернул все вверх тормашками, как они переворачивают распятие.

Сперва он оделся, положил в карманы всю мелочь, какую смог найти (плюс, разумеется, его армейский нож), надел свои самые тяжелые башмаки, сожрал мощный завтрак, игнорируя настойчивые позывы шлаков организма на волю. Два яйца, поджаренные с ветчиной, тост и прочее были залиты апельсиновым соком и чашкой кофе (три кусочка сахара).

Со всей этой смесью, бурлящей в животе, Халлек поднялся в ванную, где встал на весы и посмотрел на шкалу. Смотреть на нее было неприятно, а в этот момент – тем более.

Он взглянул внимательно.

221.

Такого быть не может! Сердце учащенно забилося в груди. Чуть собачья! Что-то свихнулось тут окончательно. Что-то...

– Прекрати, – хрипло прошептал Халлек. Он попятился от весов, как пятятся от пса, готового укусить. Приложил ко рту тыльную сторону ладони и начал тереть ею губы.

– Билли? – Хейди поднималась по лестнице.

Халлек повернул голову влево и увидел собственное побелевшее лицо в зеркале, под глазами – красноватые мешки, которых раньше не было. Лесенка морщин на лбу показалась более глубокой.

Рак, подумал он вновь, и это слово смешалось с шепотом старого цыгана.

– Билли, ты наверху?!

Рак. Точно он, проклятый. Вот и все. Каким-то образом он меня проклял. Старуха была его женой... или сестрой... и он наложил на меня свое проклятие. Неужели такое возможно? Неужели? Неужто уже сейчас рак пожирает меня изнутри, подобно тому как его нос?..

Тихий сдавленный стон вырвался из глотки. Лицо в зеркале было воплощением болезненного ужаса – набрякшая физиономия инвалида. В этот момент Халлек почти полностью убедился: у него – рак.

– Билли-и-и!

– Я здесь. – Его голос прозвучал ровно. Почти.

– А я тут ору, ору!

– Извини. Только не поднимайся сюда, Хейди. Не смотри на меня в таком виде, а то отправишь меня сразу в эту чертову клинику Мэйо. Ради Бога, оставайся там. Прошу тебя.

– Ты не забудешь записаться к доктору Майклу Хустону?

– Нет, – ответил он. – Я запишусь.

– Спасибо, дорогой. – Хейди милосердно удалилась.

Халлек помочился, помыл руки и лицо. Когда он решил, что принял свой нормальный вид, спустился с лестницы, пытаюсь беззаботно насвистывать.

Никогда в жизни ему еще не было так страшно.

Глава шестая: 217

– Сколько сейчас весишь? – спросил доктор Хустон. Халлек решил говорить начистоту и прямо сообщил ему, что потерял около тридцати фунтов за три недели.

– Ого! – воскликнул Хустон.

– Хейди малость волнуется. Сам знаешь – эти жены такие...

– Она права, что волнуется, – сказал Хустон.

Майкл Хустон был для Фэйрвью образцом мужчины: красавец доктор с седыми волосами и ровным загаром. Когда видишь его под тентом за столиком бара в клубе, невольно думаешь, что перед тобой молодая версия героя известного сериала – доктора Маркуса Велби. Теперь он сидел в баре у плавательного бассейна, который здесь называли корытом. На Хустоне были красные штаны для гольфа, подпоясанные широким белоснежным ремнем, туфли для гольфа – естественно, тоже белоснежные. Рубашка – фирмы «Лакост», часы – «Ролекс». Пил он «пинаколаду». Его стандартной шуточкой было: «пенис-колада». У них с женой росли два невероятно красивых ребенка, жили они в большущем доме в нескольких минутах ходьбы от клуба – на улице Лантерн-драйв. Этим обстоятельством Дженни Хустон любила похвастаться, когда выпивала, заявляя, что дом стоил свыше ста пятидесяти тысяч. Хустон ездил на коричневом «мерседесе» с четырьмя дверцами. Супруга – на «кадиллаке-симаррон», напоминавшем «роллс-ройс», страдающий геморроем. Их детишки посещали частную школу в Уэстпорте. Местные сплетни, которые чаще всего оказывались правдой, утверждали, что Майкл и Дженни Хустон, видимо, достигли своего модуса вивенди: он был маниакальным бабником, а она начинала принимать виски каждый день с трех часов. Типичная семья Фэйрвью, подумал Халлек и вдруг, помимо страха, ощутил усталость. Он в самом деле слишком хорошо знал эту публику.

Билли посмотрел на собственные сверкающие белые туфли и подумал: Перед кем выпендриваешься? Все эти одеяния – ритуальные перья племени.

– Завтра я хочу видеть тебя у себя в кабинете, – сказал Хустон.

– Да у меня еще процесс в суде...

– Плюнь на процесс. Это гораздо важнее... А пока вот что скажи: у тебя никаких кровотечений не было?

– Нет.

– Ну, буквально даже из скальпа, когда причесываешься?

– Нет.

– Какие-нибудь незаживающие ранки? Нарывы?

– Нет.

– Отлично, – сказал Хустон. – Кстати, я сегодня заработал восемьдесят четыре очка. Каково, а?

– Я думаю, еще пару лет тебе придется поиграть, прежде чем станешь мастером, – ответил Билли.

Хустон засмеялся. Подошел официант. Хустон заказал еще один «пенис-коладу», Халлек – один «Миллер»: страшно захотелось вдруг пива.

Майкл Хустон наклонился к нему. Взгляд его был серьезен, и Халлеку снова стало страшно. Словно тонкая игла начала прощупывать очертания его желудка. С тоской он подумал, что в его жизни произошла перемена и отнюдь не к лучшему. Отнюдь. Он был очень напуган. Мечь цыгана.

Строгий взгляд Хустона зафиксировался на Билли, и тот услышал:

– Пять шансов из шести, что у тебя рак, Билли. Мне нет нужды даже рентген делать. Твое завещание в порядке? Хейди и Линда не пропадут? Знаешь, когда ты еще относительно молод, тебе и в голову не приходит, что такое может с тобой произойти. Однако может. Еще как может.

Сообщив тихим бесстрастным голосом эту самую важную для Билли информацию, Хустон неожиданно спросил:

– Сколько нужно носильщиков, чтобы похоронить черномазого из Гарлема?

Билли с легкой фальшивой улыбкой покачал головой.

– Шесть, – сказал Хустон. – Четверо несут гроб, а двое тащат радиоприемник.

Хустон рассмеялся, а Халлек увидел мысленно картину: цыгана, поджидающего возле здания суда. Позади него, на участке, где стоянка была запрещена, находился старый пикап. На нем аляповато намалевана яркая картина: единорог, стоящий на коленях и склонивший голову перед цыганкой с охапкой

цветов в руках. На цыгане была зеленая жилетка с пуговицами, сделанными из серебряных монет. Глядя на Хустона, смеющегося над собственной шуткой, Билли подумал: Оказывается, ты помнишь гораздо больше, чем тебе казалось вначале. Думал, что запомнил только нос этого мужика! Ан нет! Ты запомнил практически все.

Дети. В кабине фургона сидели дети и смотрели на него бездонными карими глазами. Глаза их были почти черными. Худеющий, сказал старик, и, несмотря на шершавость пальца, его прикосновение было почти любовным.

Номера Делавэра, неожиданно вспомнил Билли. На их машине были номерные знаки Делавэра. Возле бампера наклейка с изображением...

На руках Халлека появилась гусиная кожа. Хотелось заорать, как однажды орала тут женщина, которой показалось, будто ее ребенок утонул в бассейне.

Билли Халлек вспомнил, как впервые увидел цыган, когда они явились в Фэйрвью.

Они припарковали машины вдоль главной улицы, и тотчас на газоны высыпали дети, затеяв игры. Цыганские мамы сбились в кучки, о чем-то болтая и наблюдая за детишками. Наряжены пестро, но вовсе не так по-деревенски, как в голливудских версиях тридцатых и сороковых годов. Женщины были в летних пестрых платьях или в брюках, а те, что помоложе, щеголяли в джинсах. Выглядели ярко, полными жизни, но в чем-то опасными.

Молодой парень выскочил из микроавтобуса «фольксваген» и принялся жонглировать увеличенными копиями булав кегельбана. КАЖДОМУ НУЖНО ВО ЧТО-НИБУДЬ ВЕРИТЬ – было начертано на его рубашке с короткими рукавами. – И СЕЙЧАС Я ВЕРЮ, ЧТО ВЫПЬЮ ЕЩЕ ПИВА. Дети Фэйрвью побежали к нему, словно притянутые магнитом, с радостными криками. Парень играл бицепсами, на груди прыгал огромный крест. Мамаши Фэйрвью торопливо забирали своих детишек и уводили их прочь. Другие матери оказались менее проворными. Ребята постарше направились к цыганским детям, а те прервали свои игры и наблюдали за их приближением.

Горожане, говорили их темные глаза. Эти городские дети повсюду, куда ни сунься. Мы знаем ваши глаза и прически, знаем, как блестят на солнце скрепы-

исправилки на ваших зубах. Мы не знаем, где будем завтра, но знаем, где будете вы. И как вам не надоедают одни и те же лица, одни и те же места? Наверное, потому вы так нас ненавидите.

Билли, Хейди и Линда в тот день были (за два дня до того, как Халлек убьет старую цыганку) всего лишь в четверти мили отсюда. Они расположились на пикник на полянке и ждали начала первого концерта духового оркестра в нынешнем сезоне. Большинство народа оказалось здесь по той же причине, что наверняка было известно цыганам.

Линда поднялась, отряхивая сзади свои джинсы «Ливайс», и направилась к жонглирующему цыгану.

– Линда, вернись! – резко окликнула ее Хейди. Ее пальцы ощупывали воротник свитера. Когда она бывала чем-то расстроена, это был ее обычный жест. Халлек предполагал, что она сама не знает за собой такой привычки.

– Мам, ну почему? У них там представление, кажется.

– Потому что они цыгане, – сказала Хейди. – Держись от них подальше. Они все жулики.

Линда посмотрела на мать, потом перевела взгляд на отца. Билли только пожал плечами. На лице дочери он увидел разочарование, а Хейди все теребила воротник свитера, явно чем-то недовольная.

Парень забросил свои булавы обратно в микроавтобус одну за другой. Девушка неземной красоты начала бросать ему одну за другой пять индейских дубинок. Парень принялся жонглировать ими, подбрасывая некоторые вверх из-под мышки и крича при этом: «Хой!»

Пожилой человек в спецовке фирмы «Ошкош» и в клетчатой рубашке раздавал какие-то рекламные листовки. Прекрасная женщина, бросившая молодому жонглеру дубинки, выскочила из фургона с мольбертом. Установила его, и Халлек подумал: Сейчас выставит какие-нибудь пошлые морские пейзажи, возможно, еще фотографии президента Кеннеди. Однако вместо картин она

установила на подставке мишень. Кто-то из фургона кинул ей рогатку.

- Джина! - крикнул ей жонглер, подбрасывая индейские дубинки, и широко улыбнулся красавице, обнаружив отсутствие нескольких передних зубов. Линда вдруг решительно села на траву. Ее понятие мужской красоты формировалось извечными программами ТВ. Красота молодого цыгана погасла в один миг. Хейди перестала ощущать воротник свитера.

Девушка бросила рогатку парню, а он бросил одну дубинку и, не меняя темпа, заменил ее рогаткой. Халлек тогда подумал: невозможный трюк. Парень сделал пару-тройку кругов, потом перебросил ей рогатку обратно и ухитрился успеть поднять дубинку, пока остальные кувыркались в воздухе. Послышались разрозненные аплодисменты. Кое-кто из местных улыбался, Билли тоже поймал себя на этом. Но остальные смотрели настороженно.

Девушка отбежала от мишени, извлекла из нагрудного кармашка шарики от подшипников и стрельнула из рогатки три раза подряд в самый центр мишени - плоп, плоп, плоп. Никто из цыган ничего не продавал. Это было совершенно очевидно. Не было здесь и гадающих на картах.

Тем не менее полицейский автомобиль Фэйрвью вскоре прибыл, и из него вышли двое полицейских. Один был Хопли - начальник полиции, мужчина лет сорока, грубовато красивый. Цыганская активность несколько сбавила темп, еще некоторые мамы воспользовались этим, чтобы увести своих замороженных детей. Дети постарше протестовали, а малыши заплакали, когда их утаскивали прочь от зрелища.

Хопли начал обсуждать с молодым жонглером факты текущей жизни (дубинки, раскрашенные в синий и красные цвета, были рассыпаны по траве). К их беседе присоединился и пожилой цыган в спецовке. Он что-то сказал, и Хопли покачал головой. Заговорил, сильно жестикулируя, жонглер. Он подошел к патрульному полицейскому, сопровождавшему Хопли. Вся эта картина была до боли знакома, и Халлек вспомнил: типичная разборка игроков на матче бейсбола.

Цыган в спецовке взял жонглера за руку и потянул его на пару шагов назад, при этом выглядел как школьный наставник, разнимающий «горячие головы». Парень сказал что-то еще, и Хопли снова покачал головой. Тогда он начал что-то выкрикивать, но до Билли доносились только голоса.

– Мам, а что там происходит? – спросила Линда, явно заинтригованная.

– Ничего особенного, – ответила Хейди. Она вдруг начала собирать и укладывать вещи. – Вы закончили есть?

– Да, спасибо. Пап, может, ты знаешь – чего это там?

У него на языке вертелось; Ты наблюдаешь классическую сцену, Линда. Происходит Изгнание Непрошенных. Но глаза Хейди были строго нацелены на его лицо, губы плотно сжаты – совершенно очевидно, она считала, что здесь не место для грубых шуток.

– Сам не очень понимаю, – ответил он. – Просто различие во мнениях.

«Ничего особенного» было ближе к истине: собак ни на кого не спустили, резиновыми дубинками не махали, и «воронок» с решетками на окнах не припарковывался поблизости. Театральным жестом парень высвободил руку из пальцев «наставника», быстро собрал индейские дубинки и снова принялся жонглировать ими. Но от гнева рефлексывали, и представление получилось на сей раз убогим. Две дубинки упали почти немедленно, причем одна стукнула его по ноге. Некоторые из детей засмеялись.

Второй полицейский нетерпеливо направился было к упрямому парню, но Хопли удержал его. Потом Хопли прислонился к дереву, сунул большие пальцы за широкий пояс и уставился куда-то в пустоту. Он сказал что-то другому полицейскому. Тот с готовностью вытащил записную книжку из кармана брюк, лизнул палец, перелистал ее и направился к ближайшей машине – дряхлому «кадиллаку-купе» начала шестидесятых годов. Что-то старательно писал, потом перешел к фургону «фольксвагена» – микроавтобусу.

Цыган подошел к Хопли и начал что-то торопливо говорить. Хопли пожал плечами и отвернулся. Патрульный полицейский перешел к старому «форду-универсалу». Цыган оставил Хопли и подошел к молодому парню. Что-то ему доказывал, размахивая руками в теплом весеннем воздухе. Билли Халлек начал терять интерес и отвел взгляд от цыган, которые совершили ошибку, остановившись в Фэйрвью по пути из ниоткуда в никуда.

Жонглер внезапно повернулся и направился к микроавтобусу, бросив остальные дубинки на траву (микроавтобус был припаркован позади пикапа с намалеванной женщиной и единорогом). Цыган наклонился и собрал их, о чем-то говоря Хопли. Хопли снова пожал плечами. Билли Халлек не был телепатом, но знал, что Хопли получает удовольствие от всей ситуации. Это так же верно, как то, что на ужин он, Хейди и Линда будут доедать какие-нибудь остатки после пикника.

Молодая цыганка, стрелявшая из рогатки, попыталась заговорить с жонглером, но он, проходя мимо, сердито отмахнулся и влез в маленький автобус. Она постояла немного, глядя на пожилого цыгана с охапкой дубинок, и тоже полезла в микроавтобус. Халлек, уже весьма безразлично наблюдавший за всем, в этот миг не смог оторвать от нее взгляда. Волосы ее были длинными, от природы волнистыми, они черными волнами спускались по спине. Блуза со штампованным рисунком и скромная юбка могли быть приобретены на самой дешевой распродаже, но тело цыганки удивляло экзотичностью и изяществом – кошка, пантера, леопард. Когда она ступила ногой в фургон микроавтобуса, юбка на миг приподнялась, и он успел увидеть прекрасные линии ее бедер. В этот момент он безумно захотел ее и мысленно представил себя лежащим на ней в самый темный час ночного времени. Пробуждение былой страсти. Обернулся к Хейди. Ее губы были сжаты в ниточку, даже побелели, глаза смотрели, как тусклые монеты. Его взгляда на цыганку она не заметила, но увидела приподнявшуюся юбку и то, что под ней скрывалось, и все, конечно, поняла.

Полицейский с записной книжкой подождал, пока девушка скрылась в машине, захлопнул блокнот, сунул его в карман и подошел к Хопли. Цыганские женщины созывали своих детишек к машинам. Старый цыган с охапкой дубинок снова подошел к Хопли и опять что-то сказал. Хопли решительно и бесповоротно отказал, покачав головой.

На этом все и решилось.

Подъехала еще одна патрульная машина, на крыше которой лениво поворачивался фонарь-мигалка. Цыган посмотрел на нее, потом окинул взглядом городской сад Фэйрвью с его дорогостоящими площадками для игр, эстрадой-раковиной. На деревьях кое-где еще развевались разноцветные ленты – остатки украшений на Пасху, которую отмечали в прошлое воскресенье. На деревьях уже начинали распускаться листья.

Цыган направился к своему автомобилю, который возглавлял весь караван. Когда заработал мотор, все остальные завели машины, загудели, закашляли старые двигатели: Халлек услышал стук множества изношенных клапанов. Увидел сизый дым из выхлопных труб. С ревом и попукиванием «универсал» выполз на дорогу от обочины, остальные двигались следом по направлению к Нью-Йорку.

- У них все огни зажжены! – воскликнула Линда. – Прямо как на похоронах!

- Тут еще два пряничка остались, – сказала Хейди. – Ешь.

- Не хочу. У меня уже полный живот. Папа, а эти люди?..

- У тебя никогда не будет бюста в тридцать восемь дюймов, если не будешь есть, – перебила ее Хейди.

- Я решила не иметь бюста в тридцать восемь дюймов, – отпарировала Линда, очередной раз поразив Халлека своим тоном светской дамы. – Сейчас в моде попки.

- Линда Джоан Халлек!

- Дай-ка мне пряничек, – сказал Халлек.

Хейди бросила на него холодный взгляд.

- О... тебе хочется этого? – И бросила ему пряник-кольцо. Сама закурила сигарету «Вантаж-100». Билли в итоге съел оба пряника. Хейди выкурила полпачки к тому времени, как концерт подошел к концу. При этом довольно сухо отвергала попытки Билли ее развеселить и только по дороге домой смягчилась. Цыгане были забыты. По крайней мере до того дня.

Когда он заглянул в спальню Линды, чтобы пожелать ей спокойной ночи и чмокнуть в лоб, она спросила его:

- Пап, а куда полицейские их гонят из города?

Билли осторожно посмотрел на дочь, чувствуя одновременно и раздражение, и абсурдное удовлетворение, – вопрос все же польстил. Когда ей надо было узнать, сколько калорий в ломте немецкого шоколадного торта, она обращалась к Хейди. К Билли она шла, когда вопросы были потруднее. Порой он считал это несправедливым.

Он присел на ее постель и подумал – до чего же она еще юная. Билли был уверен, что его дочка лишена дурных наклонностей. Ее легко было обидеть, скажем, ложью. Наврать ей что-нибудь о том, что сегодня происходило у городского сада, – потом эта ложь тебе же и аукнется. Билли хорошо помнил, как отец внушал ему, что онанизм приводит к заиканию. Его отец был славным человеком во всех отношениях, но Билли никогда не простил ему эту ложь. Линда успела не раз поставить его в трудные ситуации: они прошли голубых, оральный секс, венерические заболевания и возможность того, что Бога нет. С детьми честность – утомительная штука.

Почему-то вдруг вспомнился Джинелли. Что бы Джинелли сказал своей дочке на его месте? Эту нежелательную публику следует держать подальше от городов, миленькая. Вот так обстоит дело: держать нежеланные элементы подальше от городов.

И ведь так оно и есть – никуда не денешься.

– В общем-то да... полиция их прогоняла из города. Понимаешь, душенька, это цыгане. Бродяги.

– Мама сказала, что они – жулье.

– Ну... многие из них организуют жульнические игры, дают фальшивые предсказания людям. Когда приезжают в такой городок, как Фэйрвью, полиция просит их двигаться дальше. Иногда они изображают, что будто бы их страшно унизили, оскорбили, и возмущаются. Но на самом деле особенно и не возражают.

Банг! В голове поднялся маленький флажок: ложь № 1.

– Они раздают плакатики и листовки, в которых сообщается, где они будут выступать в следующий раз. Обычно договариваются с каким-нибудь фермером,

владельцем угодий за городом, платят ему и устраивают на его земле табор, через несколько дней уезжают.

– А зачем они вообще приезжают? Чем они занимаются?

– Хм... понимаешь, всегда есть люди, которым хочется, чтобы им погадали на будущее, а также азартные игры некоторых привлекают. Но, как правило, в таких играх цыгане жульничают. А может, и быстрый экзотический секс, подумал Халлек, вспомнив задрывшуюся юбку, когда красавица влезала в маленький фургон. Интересно, как она двигается? Разум ответил: Как океан, готовый разразиться штормом, – вот так.

– И люди у них покупают наркотики?

Нынче нет нужды покупать наркотики у цыган, дорогая. Всегда можно приобрести их на школьном дворе.

– Может быть, гашиш, – сказал он. – Или опиум.

Он прибыл в эту часть Коннектикута подростком и с тех пор обитал тут, в Фэйрвью, и еще в соседнем Северном порту. Цыган не видел почти двадцать пять лет... По крайней мере с тех пор, как жил подростком в Северной Каролине. Тогда он потерял пять долларов, проиграв в «колесо фортуны», – трехмесячное сбережение на подарок матери ко дню рождения. Вообще-то им запрещалось допускать к таким играм детей младше шестнадцати, но, разумеется, если покажешь монетку или длинную зеленую бумажку, – можешь делать ставку. Некоторые вещи никогда не меняются, подумал он, особенно старая истина: когда деньги говорят, никто не уходит. Если бы его еще вчера спросили, он пожал бы плечами и предположил, что больше бродячих цыган и таборов не существует. Но, видимо, это племя кочевников вечно. Приходят, не имея корней, и так же уходят: людское перекасти-поле – готовы заключить любую сомнительную сделку и вовремя скрыться из города с долларами в засаленных кошельках, передаваемых по наследству. Они выжили. Гитлер пытался их истребить заодно с евреями и гомосексуалистами, но они, видно, переживут еще тысячу гитлеров.

– А я думала, что наш парк открыт для всех, он – всеобщее достояние, – сказала Линда. – Нам в школе так говорили.

– В какой-то мере это так, – ответил Халлек. – «Всеобщее» означает общую собственность жителей городка. Налогоплательщиков.

Банг! Ложь № 2. Налоги никакого отношения не имеют к общественным территориям в Новой Англии.

– Налогоплательщики? – сказала она с недоумением в голосе.

– Надо получить разрешение на использование общественных угодий.

Кланг! Ложь № 3. Эта идея была отброшена в 1931-м, когда группа фермеров, выращивавших картофель, основала Хувервилль в самом сердце Люистона, штат Мэн. Город обратился в Верховный суд Рузвельта, но там их даже слушать не стали. И все потому, что хувервилльцы избрали парк Петтинджилл, чтобы разбить там свои палатки, а парк Петтинджилл оказался общей землей.

– Так бывает и когда приезжает цирк «Шрайн», – подкрепил он свой довод.

– А почему цыганам не дают разрешения? – Голос ее уже звучал сонно, слава Богу.

– Может быть, забыли что-то оформить...

Ни малейшего шанса, Лин. Только не в Фэйрвью. Тем более когда видишь парк со стороны Лантерн-драйв и клуба: за этот вид, за такой пейзаж ты приличные деньги заплатил, так же как и за частные школы, где обучают компьютерному программированию для банков на новеньких «Эпл» и «TRC-80», не говоря уж о сравнительно чистом воздухе и тишине ночью. Конечно же, нет возражений против цирка «Шрайн», тем более их нет против праздника «Пасхальное яйцо». Но цыгане? Извините, – вот Бог, вот – порог, не забудьте вашу шляпу. Грязь мы с первого взгляда распознаем. Руками ее не касаемся. Зачем? Есть прислуга, которая все выметет из дома. Когда грязь появляется в городских общественных местах, у нас есть Хопли.

* * *

Но эти истины не для девочки-школьницы, подумал Халлек. Такие истины познаются жизнью. Может, узнаешь их от своих однокашниц или само придет. Не наши они люди, девочка, и держись от них подальше.

– Спокойной ночи, папа.

– Спокойной ночи, Лин.

Он еще раз поцеловал ее и вышел.

Дождь со штормовыми порывами ветра забарабанил по окну его кабинета. Халлек проснулся, словно не от сна, а от дремоты. Не наши они люди, девочка, подумал он вновь и тихо засмеялся. Звук собственного тихого смеха испугал: только чокнутые смеются в одиночестве. Это и делает их чокнутыми.

Не наши люди.

Если раньше он в это не верил, то поверил теперь.

Теперь, когда он стал «Худеющим».

Халлек наблюдал, как медсестра Хустона вытянула из него одну-две-три пробы крови из левой руки и расставила их в контейнер, как яйца в картонку. Ранее Хустон дал ему три карточки на анализ стула и попросил прислать ему результат. Халлек мрачно сунул их в карман, потом наклонился для ректо-анализа, содрогаясь от унижительной процедуры, которая хуже некуда. Жуткое ощущение чужеродного вторжения.

– Расслабься, – сказал Хустон, надевая со щелчками резиновые перчатки. – Пока не чувствуешь обе мои руки на своих плечах, можешь не беспокоиться. – Он рассмеялся.

Халлек зажмурил глаза.

Хустон увиделся с ним через два дня, поскольку, по его словам, главное – анализ крови. Халлек уселся в приторно-уютной комнате (картины с изображением

парусника-клиппера, борющегося с волнами, глубокие кресла, толстый мягкий ковер серого цвета), где Хустон консультировал пациентов. Сердце Билли тяжело билось, на висках выступили капельки холодного пота. Не стану распускаться перед мужиком, отпускающим шуточки в стиле черномазых, сказал он себе с мрачной решимостью и уже не первый раз. Если захочется выплакаться, выеду из города, припаркуюсь где-нибудь и сделаю это.

- Знаешь, все выглядит прекрасно, - спокойно сказал Хустон.

Халлек заморгал. Страх успел настолько глубоко въестся в его душу, что ему показалось, будто он ослышался.

- Что?

- Все выглядит прекрасно, - повторил Хустон. - Можем еще повторить тесты, если хочешь, Билли, но я пока что не вижу в этом необходимости. Скажу более, твоя кровь выглядит даже лучше, чем в двух прежних анализах. Холестерин снизился, то же самое с триглицеридами. Еще больше потерял в весе - моя медсестра зафиксировала утром 217 фунтов. Но что я могу сказать? Ты все еще на тридцать фунтов превышаешь норму, и я не желаю тебе опять потерять из виду собственный член. - Он улыбнулся. - А вот чего б я действительно желал, так это узнать твой секрет похудения.

- Нет у меня никакого секрета, - ответил Халлек. Он испытывал замешательство и огромное облегчение. Точно как пару раз в колледже, когда чудом сдал экзамены, не подготовившись к ним.

- Пока воздержимся от выводов - подождем результатов серии Хеймана-Рейхлинга.

- Чего?

- Твои говенные карточки, - сказал Хустон и расхохотался. - Может, в них что-нибудь вылезет. Но я тебе скажу, Билли, двадцать три различных анализа твоей крови - отличные. Картина убедительная.

Халлек шумно выдохнул. Шумно и судорожно.

– Я... мне так страшно было.

– Помирают молодыми те, кто такого страха не знает, – ответил Хустон. Он выдвинул ящик письменного стола и извлек пузырек с маленькой ложечкой, прикрепленной на цепочке к пробке. Ручка ложки, заметил Халлек, была в форме Статуи Свободы. – Примешь малость?

Халлек покачал головой. Он был доволен. Ему приятно сидеть тут, сложив руки на животе – на своем уменьшенном животе – и наблюдая, как самый преуспевающий семейный доктор Фейрвью втягивал кокаин сначала одной ноздрей, потом – другой. Затем он спрятал бутылочку обратно в стол, вытащил другую и коробочку маленьких тампонов. Обмакнул тампон в пузырек и протер им ноздри.

– Дистиллированная вода, – пояснил он. – Предохраняет пазухи. – Хустон подмигнул Халлеку.

И со всей этой дурью в башке он, наверное, лечил детишек от воспаления легких, подумал Халлек. В данный момент доктор Хустон не мог не вызывать его симпатии, потому что сообщил прекрасную новость. Хотелось только одного: сидеть здесь, сложив руки на уменьшенном собственном животе, и исследовать ощущения нахлынувшего облегчения, испытывать их, как новый велосипед или новый автомобиль. Ему представилось, что, когда он будет покидать приемную Хустона, почувствует себя заново родившимся. Режиссер, снимающий в этот момент фильм о нем, мог бы вполне сделать музыкальным фоном «Так говорил Заратустра» Рихарда Вагнера. От этой мысли Халлек улыбнулся, а потом засмеялся.

– Поделись хохмой, – сказал Хустон. – В этом грустном мире нам нужны хохмы, Билли-бой. – Он шумно втянул ноздрями и снова смазал пазухи носа тампоном.

– Ничего особенного, – ответил Халлек. – Просто... понимаешь, я уж очень был перепуган. Представил себе, как буду вести себя, пораженный раком.

– Может, еще и придется такое представить, – сказал Хустон. – Но не в нынешнем году. Мне в принципе даже и не нужны результаты анализа по Хейману-Рейхлингу, чтобы сообщить тебе об этом. Рак имеет свое определенное внешнее обличье. По крайней мере когда он сжирает тридцать фунтов веса.

– Но я-то жрал, как и прежде. Я сказал Хейди, что больше стал заниматься физкультурой. А она мне говорит, что на утренних зарядках столько веса не сбросишь. Только жир свой уплотнишь.

– Ну, это не так. Последние исследования показали, что физические упражнения гораздо важнее диеты. Но она права в другом: для мужика-тяжеловеса вроде тебя, вернее, такого, каким ты был, это необычно. Толстые мужики, которые начинают яро заниматься физкультурой, обычно заканчивают надежным второклассным тромбозом. От него не помрешь, но особенно и не погуляешь, в гольф не поиграешь и тому подобное.

Билли подумал, что кокаин делает Хустона разговорчивым.

– Короче, ты этого не понимаешь, я этого не понимаю, – сказал он. – Но тут я уж слишком много не понимаю. Мой приятель-нейрохирург в городе пригласил меня посмотреть года три назад рентген черепа. К нему пришел студент из университета Джорджа Вашингтона с жалобами на ослепляющие головные боли. Моему коллеге они показались типичными проявлениями мигрени, и парень выглядел предрасположенным к приступам мигрени. Но там мудрить-то было нечего. Подобные симптомы – признак мозговых опухолей, даже если у пациента отсутствуют обонятельные галлюцинации – знаешь, то дерьмом пахнет, то тухлятиной, то поп-корном и прочим. Мой приятель сделал ему серию рентгеновских обследований и направил в клинику для анализа спинного мозга. И ты представляешь, что они обнаружили?

Халлек покачал головой.

– Этот парень по учебе – в лучшей тройке студентов университета, но оказалось, что у него почти отсутствует мозг. В центре черепной коробки обнаружили несколько переплетенных жгутов из ткани коры головного мозга – этакое макраме, представляешь? Мой коллега показал мне снимки. Просто поразительно! Эти жгуты управляли всем – от дыхания до оргазма. А остальная часть черепушки была занята спинномозговой жидкостью. Понять такого мы не могли: получалось, что эта жижа осуществляла его мыслительные процессы. Но так или иначе, он по-прежнему учится, по-прежнему страдает от мигрени и выглядит как человек, страдающий от мигрени. Если не помрет от сердечной болезни, где-то после сорока лет у него это может и пройти.

Хустон выдвинул ящик стола в очередной раз, повторил кокаиновую процедуру, предложил Халлеку, но тот только покачал головой.

– Или вот еще, – продолжил Хустон. – Лет пять назад пришла ко мне пожилая дама, жаловавшаяся на боли в деснах. Она, правда, уже умерла. Если назову тебе ее имя, сразу вспомнишь. Короче, я ее осмотрел и глазам не поверил. Последние зубы у нее выпали лет десять назад, ей уж было под девяносто. Так вот, у этой бабки прорезались новые зубы – пять штук! Неудивительно, что десны болели: третья партия зубов пошла. И это в восемьдесят восемь лет.

– Ну и что ты сделал? – спросил Халлек. Он слушал доктора вполуха, как убаюкивающее жужжание или тихую музыку в магазине поношенных вещей. Голова была занята другим. Наверняка кокаин Хустона не давал такого чувства удовлетворения, какое он теперь испытывал и смаковал. Промелькнуло было образ цыгана с разлагающимся носом, но в нем сейчас не было больше той темной силы, которая вызывала хронический страх.

– Что я сделал? – переспросил Хустон. – Господи, да что я мог сделать? Прописал ей усиленный вариант мази «Нум-Зит» – чем смазывают десны младенцев, когда у них прорезываются молочные зубы. До смерти у нее еще успели вырасти дополнительно три зуба. Я и с другими случаями сталкивался – сколько угодно. Каждый врач имеет дело с такими вещами, которым порой нет объяснения. Мы ни черта толком не знаем хотя бы о метаболизме. Знаешь, что это? Химические реакции в клетках, которые поддерживают нашу жизненную энергию, обмен веществ. Есть, к примеру, такие люди, как Данкен Хопли, – знаешь его?

Халлек кивнул. Шеф полиции Фэйрвью, гонитель цыган, этакий вариант местного Клинта Иствуда.

– Он жрет так, словно каждая еда – последняя в его жизни, – сказал Хустон. – Святой Моисей, я в жизни не видывал такого обжору! Но вес у него сохраняется постоянно на ста семидесяти. Поскольку рост у него шесть футов, то вес его как раз в норме. У него метаболизм буквально кипит. Он сжигает калории вдвое быстрее, чем, скажем, Ярд Стивенс.

Халлек кивнул. Ярд Стивенс был хозяином единственной в Фэйрвью парикмахерской под названием «Выше голову!». А весил не менее трехсот фунтов. Иной раз думаешь: не иначе ему жена шнуры на ботинках завязывает.

– Ярд примерно такого же роста, что и Данкен Хопли, – продолжал Хустон. – Но когда я видел его за обедом, он едва прикасался к еде, ел как птичка. Может, правда, он тайком в сортире наверстывает. Но не думаю. У него и рожа-то вечно какая-то голодная. Сам знаешь.

Билли слегка улыбнулся и кивнул. Он знал. Ярд Стивенс выглядел, как говорила его матушка, так, словно ему от еды никакого толку не было.

– Скажу тебе больше, хотя эти разговоры, я думаю, – между нами: и тот, и другой курят. Ярд Стивенс утверждает, что выкуривает пачку «Мальборо» в день. Данкен говорит, что выкуривает две пачки «Кэмела» в день, а это значит – три, а то и три с половиной. Ты когда-нибудь видел Данкена без сигареты во рту или в руках?

Билли подумал немного и покачал головой. Тем временем Хустон обслужил себя очередной мощной понюшкой.

– Все! Хватит! – сказал он и решительно задвинул ящик стола. – В общем, Ярд выкуривает полторы пачки легких сигарет, а Данкен – три пачки или больше крепких сигарет. Но из них двоих Ярд Стивенс нарывается на рак активнее, чем другой. Почему? Из-за проблемы метаболизма, а темпы метаболизма каким-то образом связаны с раком. Есть врачи, которые заявляют, что мы найдем средство лечения рака, когда разгадаем генетический код. Ну, может быть, какие-то разновидности рака. Но никогда мы до конца не раскроем тайну рака, пока полностью не поймем природу метаболизма. Что и возвращает нас к Билли Халлеку – невероятно худеющему человеку. Или лучше так: сокращающему массу. Не увеличивающему массу, а именно – сокращающему. – Хустон подурал расхохотался над собственным суррогатом юмора. Билли подумал: Если кокаин вытворяет с тобой такое, лучше уж принимать пряники-колечки.

– Ты не знаешь, отчего я теряю в весе?

– Нет. – Хустон был явно доволен этим фактом. – Но я полагаю, что ты внушил себе похудеть. Так делают, ты знаешь. Примеров самовнушения полно. Приходит иной деятель, который хочет сбросить вес. Обычно у таких из-за страха перед ожирением сердце дает сбои, обмороки случаются во время игры в теннис или бадминтон. Я им прописываю хорошую успокаивающую диету, которая в течение пары месяцев позволяет еженедельно сбрасывать от двух до

пяти фунтов. Таким манером можно сбросить от шестнадцати до сорока фунтов без всяких проблем и неудобств. Все хорошо. Только большинство людей теряют в весе гораздо больше. Они соблюдают диету, но теряют в весе больше, чем ею предусмотрено. Тут словно некий часовой в мозгу пробуждается, который годами спал, а теперь начинает орать: «Пожар!» Метаболизм ускоряется, потому что часовой приказал ему устранить лишние фунты, покуда весь дом не рухнул.

– О'кей, – сказал Халлек. Ему хотелось верить Хустону. На работе он взял отгул, и теперь им овладело желание отправиться домой и сообщить Хейди, что с ним все в порядке, подняться с ней наверх и заниматься любовью при солнечном свете в их спальне. – Верю!

– Если будешь по-прежнему терять вес, проведем полный курс обследования на ускорение метаболизма, – сказал Хустон. – Я, конечно, тут развивал мысль о том, что мы мало что смыслим в метаболизме, но иногда подобное обследование дает очень много. Я, правда, думаю, что до этого дело не дойдет. Мне кажется, темп похудения замедлится: на этой неделе – фунтов пять, на следующей – три, потом – один. А там – встанешь на весы и обнаружишь, что снова набрал.

– Спасибо тебе. У меня, знаешь, гора с плеч. – Халлек крепко пожал руку врачу.

Хустон улыбнулся заговорщически, хотя, по сути дела, ничего не понял из того, что происходит с Халлеком. Главное – не рак.

– Для того мы и тут, Билли-бой.

Билли-бой направился домой, к супруге.

– Он так и сказал, что все в порядке?

Халлек кивнул.

Она крепко обняла его. Он ощутил соблазнительную упругость ее груди.

– Пошли наверх?

Она посмотрела на него смеющимися глазами.

– Значит, ты – о'кей?

– Именно.

Они поднялись наверх. Секс был восхитительным.

Потом Халлек заснул и увидел сон.

Глава седьмая: Птичий сон

Цыган превратился в громадную птицу – стервятника с гниющим клювом. Он парил над Фэйрвью, сбрасывая с себя пепел вроде каминной сажи.

«Худеющий», – скрипуче прокаркал цыган-стервятник, пролетая над парком, над клубом, над «Уолденбукс», что на углу улиц Мэн и Девон, над «Эста-Эста» – неплохим итальянским рестораном Фэйрвью, над почтой, над заправочной станцией «Амоко», над современной стеклянной коробкой публичной библиотеки и, наконец, над солончаками к заливу.

Худеющий – всего одно слово, но оно несло в себе проклятие, и Халлек воочию в этом убеждался. Все в этом очаровательном городке Новой Англии, расположенном в самом сердце края Джона Чивера, все его преуспевающие, вежливые жители – все умирали от голода.

Он торопливо, быстрее и быстрее, шагал по главной улице, будучи при этом невидимым – во сне все возможно, и с ужасом наблюдал последствия цыганского проклятия. Фэйрвью словно превратился в прибежище спасенных из концлагеря. Дети с большими головами и скелетообразными тельцами орали на богатых лужайках своих домов. Из кафе-мороженого «Вишня сверху», спотыкаясь и шатаясь, вышли две женщины в роскошных платьях. Их лица – черепа, обтянутые кожей, провалившиеся глаза, выпирающие скулы, шеи торчали из ямы между костлявыми плечами.

Билли проснулся, сильно вздрогнув, тяжело дыша. Приложил ладонь ко рту. Хейди мирно спала рядом с ним, плотно укрывшись покрывалом. Весенний ветер шумел за окном в кронах молодой листвы.

Халлек бросил испуганный взгляд на спальню, чтобы убедиться, что Майкл Хустон или его версия в виде скелета не присутствует в комнате. Нет, это была его обычная спальня, где ему знаком каждый уголок. Кошмар начал размываться в памяти... и все же какая-то его остаточная часть заставила Билли придвинуться ближе к Хейди. Прикоснуться к ней он не стал – она спала всегда очень чутко, – зато оказался в зоне ее тепла и стащил на себя небольшую часть ее покрывала.

Всего лишь сон.

Худеющий, упрямо повторил в сознании голос.

Потом он снова уснул.

Утром после кошмарного сна весы в ванной показали 215, и Халлек ощутил надежду. Только два фунта. Кокаин или нет, но Хустон оказался прав: процесс начал замедляться. Посвистывая, он спустился вниз и съел яичницу из трех яиц и полдюжины сосисок из гирлянды.

По пути к станции электрички он смутно припомнил ночной кошмар. Но скорее это было не воспоминанием, а странным чувством, дежа-вю. Проезжая мимо «Выше голову!», салона, зажатого между «Отличным мясом» Фрэнка и магазином «Игрушки-радость», выглянул в окно машины и в какой-то миг ожидал увидеть несколько шатающихся, спотыкающихся скелетов, словно каким-то образом благополучный Фэйрвью превратился в Биафру. Но люди на улице выглядели прекрасно, просто превосходно. Ярд Стивенс во плоти помахал ему рукой, и Халлек жестом ответил на приветствие. Подумал: Твой метаболизм предупреждает тебя – бросай курить, Ярд. Мысль вызвала легкую улыбку. К тому времени как электричка прибыла на Большую Центральную, последние фрагменты страшного сна были забыты.

Успокоившись насчет потери веса, Халлек в следующие четыре дня на весы не становился вовсе и даже особенно их не вспоминал. И вдруг он чуть не угодил в постыдную ситуацию во время очередного судебного разбирательства перед лицом судьи Хилмера Бойтона, у которого юмора было не больше, чем у сухопутной черепахи. Ситуация получилась дурацкая – такие видишь в плохих снах в старшем школьном возрасте.

Халлек поднялся, чтобы заявить протест, и вдруг его брюки поползли вниз.

Собственно, он даже не встал, а только начал подниматься, когда обнаружил, что штаны стали соскальзывать с бедер, ягодиц прямо к коленям. Он торопливо сел на место. А наступил как раз тот момент, когда его протест был бы весьма объективен, и тот факт, что он вдруг сел на место, вызвал некоторое недоумение. Щеки его залила краска стыда.

– Это ваше возражение, мистер Халлек, или газовая атака?

Правда, только немногие из присутствующих слегка засмеялись.

– Ничего, ваша честь, – пробормотал Халлек. – Я... я передумал.

Бойтон хмыкнул. Процесс продолжался, а Халлека прошиб пот: он не представлял, как ему теперь подняться.

Десять минут спустя судья объявил перерыв. Халлек остался сидеть на своем месте, делая вид, что изучает бумаги. Когда комната почти опустела, он поднялся, держа руки в карманах брюк, надеясь, что выглядит достаточно естественно. Разумеется, он просто-напросто поддерживал штаны от сползания вниз.

Запершись в туалете, Билли снял пиджак, повесил его на крюк и осмотрел брюки. Потом снял пояс, и штаны с застегнутой молнией сползли к ступням, только звякнула мелочь в кармане. Он присел на унитаз, поднял перед собой ремень и осмотрел его, как древний свиток. Линда подарила его два года назад в День отца, теперь он рассматривал его, ощущая, как учащенно от страха забилося сердце.

Дочь купила ему ремень, который оказался немного маловат. Халлек вспомнил, как подумал о простительном оптимизме Линды. Во всяком случае, он застегивал его на вторую дырочку, и это было в самый раз. Только потом, когда бросил курить, стало трудновато его застегивать, даже используя первую дырочку.

После того, как бросил курить... но до того, как сбил цыганку.

Теперь в ремне использовались другие дырки – за четвертой – пятая и, наконец, шестая.

С растущим страхом Халлек осматривал ремень, который куда более лаконично и правдиво все рассказал, чем это сделал доктор Майкл Хустон. Потеря веса продолжалась, возрос темп, а вовсе не затормозился. Вот и дошел до последней дырки в ремне фирмы «Ник», который всего пару месяцев назад решил тихо-мирно спрятать и купить другой – подлиннее. Теперь нужна была седьмая дырка, а ее не было.

Посмотрел на часы: пора было возвращаться в зал. Но кое-что стало куда важнее, нежели проблема судьи Бойтона – оспаривать или нет какое-то завещание.

Халлек прислушался. В мужском туалете больше никого не было. Приподняв штаны и придерживая их, он вышел из кабины. Остановившись перед зеркалом, он позволил им вновь свалиться. Задрал рубашку, чтобы лучше осмотреть живот.

Невольно ахнул, и тут же горло сдавил спазм – только и всего, но вполне достаточно. Брюхо исчезло. Был нормальный живот. Штаны лежали на полу, рубашка задрана из-под расстегнутого жилета – поза комичная, но факты были налицо. Реальные факты, как обычно, можно истолковывать и обсуждать – в юридических делах к этому быстро привыкаешь, – но сравнение, которое пришло в голову, было неопровержимым. Он выглядел, как юнец, напяливший на себя одежды отца. Халлек стоял перед зеркалом напротив ряда умывальных раковин и истерично думал: Маскарад! Детская игра. Осталось только усики себе подрисовать.

В глотке рождался хохот от зрелища упавших порток, из которых торчали его волосатые ноги в черных нейлоновых носках. В этот момент он внезапно и просто поверил... во все. Цыган проклял его, и никакое это не раковое заболевание. Рак был бы куда милосерднее и быстрее. Здесь нечто иное, и познание этого только начиналось.

Голос кондуктора закричал в его голове: Следующая станция Пропажа аппетита на нервной почве! «Анорексия невроза»! Приготовьтесь к выходу заранее!

Хохот, похожий на вопль, или вопль, похожий на хохот, рвался наружу. Да какая разница?!

Кому сказать такое? Хейди? Она сочтет меня сумасшедшим.

Но Халлек никогда еще не чувствовал себя в более здравом рассудке, чем теперь.

Хлопнула наружная дверь туалета.

Халлек спрятался в ближайшей кабине и испуганно закрылся на задвижку.

– Билли? – Голос Джона Паркера, его ассистента.

– Я здесь.

– Бойтон сейчас выйдет. С тобой все в порядке?

– Нормально, – ответил он. Глаза его были закрыты.

– У тебя что – запор? С желудком не того?

– Да, что-то прихватило малость.

– Мне надо срочно пакет отправить. Скоро вернусь.

– О'кей.

Паркер вышел. Халлек снова уставился на ремень. Он не мог идти на судебное заседание к Бойтону, поддерживая штаны руками через карманы пиджака. Что же делать?

Вспомнил вдруг про свой швейцарский солдатский нож – добрая старая армейская штука, которую он всегда выкладывал из кармана, становясь на весы в одежде. Так было в далекие добрые деньки до того, как цыгане прибыли в Фэйрвью.

И какого хрена вы приперлись? Ну почему не отправились в Уэстпорт или в Стрэтфорд?

Он раскрыл нож и торопливо провертел седьмую дырку в ремне. Дыра получилась рваной и уродливой, но временно годилась. Халлек подтянул штаны, продел и застегнул ремень, привел себя в порядок, надел пиджак и покинул туалет. Впервые обратил внимание на то, как развеваются штанины вокруг его ног – его тонких ног. А другие не замечали этого? – подумал он с новой волной стыда. Видели, как скверно на мне сидят шмотки? Или делали вид, что не замечают? Обсуждали...

Плеснул на лицо воды из крана и вышел из туалета.

Когда он входил в зал заседаний суда, Бойтон как раз появился в шелестящей черной тоге судьи. Сердито посмотрел на Билли, который сделал руками извиняющийся жест. Лицо Бойтона осталось непроницаемым: извинения не приняты. И снова пошло нудное заседание. Кое-как Билли округлил этот рабочий день.

Он стоял на весах в ту ночь, дождавшись, когда заснут Хейди и Линда. Смотрел на шкалу, не веря глазам своим. Долго смотрел.

На следующий день Халлек поехал и купил себе одежду. Выбирал лихорадочно, словно новые одеяния, которые будут ему впору, все решат. Купил и новый пояс «Ник», покороче. Он обратил внимание на то, что знакомые перестали поздравлять его с потерей веса. С какого момента это началось?

Надел обновки, отправился на работу, вернулся домой. Слишком много выпил, съел дополнительную порцию за ужином, хотя и не испытывал большого желания. Еда тяжелым грузом легла в желудок. Миновала неделя, и новые одежды перестали выглядеть элегантно – они стали болтаться как на вешалке.

Он подошел к ванной. Сердце тяжело билось в груди, даже в глазах отдавалось. Болела голова. Потом он обнаружит, что до крови прикусил нижнюю губу. Образ весов в мыслях вызывал детский страх: они стали гоблином, домовым в его жизни. Минуты три стоял он возле них, кусая нижнюю губу, не замечая боли и солоноватого вкуса крови. Был вечер. Внизу Линда смотрела по телевидению «Компанию Трех», Хейди на «Коммодоре» в кабинете Халлека проверяла домашние расходы за неделю.

Собравшись с духом, словно перед прыжком в холодную воду, он ступил на весы.

188.

Спазм схватил живот изнутри, показалось, что рвоты не избежать. Он мрачно сделал усилие, чтобы удержать свой ужин на месте, питание было ему необходимо – горячие здоровые калории.

Тошнота прошла. Снова посмотрел на шкалу внизу, тупо вспомнив слова Хейди: Они врут не в сторону плюса, а в сторону минуса. Вспомнил слова Майкла Хустона, который сказал, что при 217 он все равно на 30 фунтов тяжелее нормы. Но не теперь, Майкл, подумалось устало. Теперь я... я – Худеющий.

Он сошел с весов, неожиданно ощутив некоторое облегчение. Наверное, такое облегчение испытывает приговоренный к высшей мере, когда без двух минут двенадцать являются надзиратель и священник и звонка от губернатора ждать бессмысленно. Оставались еще какие-то мелкие формальности, но конец наступил. И все это было реальностью. Если обсуждать такое с окружающими, они подумают, что он либо шутит, либо спятил, – в цыганские проклятия теперь никто не верил. А может быть, и никогда не верили: они были деклассированы в мире, который наблюдал, как сотни морских пехотинцев вернулись домой из Ливана в гробах; в мире, который следил за тем, как заключенные из Ирландской Освободительной Армии довели себя голодовкой до смерти. Мир был свидетелем и других подобных чудес, которые оказались вполне реальны. Он убил жену старого цыгана с разлагающимся носом, а его партнер по гольфу, любитель полапать чужих жен, судья Кэри Россингтон взял, да и отпустил его, только по плечу похлопал. И тогда старый цыган решил свершить собственное правосудие над жирным юристом из Фэйрвью, которого впервые жена решила обслужить рукоблудием в процессе управления автомашиной. Правосудие, которое было бы по вкусу человеку вроде его прежнего приятеля Джинелли.

Халлек выключил в ванной свет и вышел, думая о приговоренных, направляющихся к месту казни. Глаза не надо завязывать, отец... у кого-нибудь есть сигаретка? Он слабо улыбнулся.

Хейди сидела за его письменным столом: слева – квитанции и счета, перед ней мерцающий зеленый экран, чековая книжка – на клавиатуре, словно музыкальные ноты. Обычная картина, повторяющаяся в первую неделю каждого месяца. Однако она не выписывала чеков, и пальцы ее не бегали по клавишам: просто сидела с сигаретой в руке. Когда обернулась к нему, Билли увидел в ее глазах столько грусти, что у него сердце сжалось.

Вновь вспомнил об избирательном восприятии, забавном свойстве разума не замечать того, чего не хочется видеть... вроде того, как затягивал пояс на несоразмерных брюках вокруг уменьшающейся талии или не замечал темных кругов под глазами супруги, этого отчаянного вопроса в ее глазах.

– Да, я продолжаю терять вес, – сказал он.

– О, Билли... – Она судорожно вздохнула. Однако выглядела теперь даже получше, и Халлек предположил, что Хейди просто довольна тем, что разговор пошел в открытую. До того они не осмеливались затевать разговор на эту тему.

Точно так же в его конторе никто не осмелился говорить: Твои шмотки начинают походить на продукцию Омара, Делателя Шатров, Билли-бой... У тебя ничего там не растет злокачественного? Рачком тебя никто не наградил случайно, Билли? А может, внутри у тебя растет этакая черная фиговина, что все твои соки пожирает подчистую? О нет, подобной гадости никто никогда не скажет – предпочтут, чтобы сам все обнаружил. Однажды на суде начинаешь терять штаны, когда встаешь и в лучших традициях Перри Мейсона говоришь: «Я протестую, ваша честь!» – и никто ничего тебе не скажет, сделают вид, что не заметили.

– Да, – сказал он и деланно хохотнул.

– Сколько?

– Весы в ванной показывают сто восемьдесят восемь.

– О Господи!

Он кивнул в сторону ее сигареты.

– Можно я тоже одну выкурю?

– Да, если хочешь, Билли. Ты об этом не говори ничего Линде. Ни слова.

– А в этом и нужды нет, – сказал он, закуривая. От первой затяжки голова слегка пошла кругом. Нормально. Даже приятно. Лучше, чем тупой страх, сопровождавший окончание «избирательного восприятия». – Она и так знает, что я теряю в весе непрерывно. По ее глазам увидел. Просто до сегодняшнего вечера я толком сам не знал, что вижу.

– Надо опять к Хустону обратиться, – сказала она. На лице – выражение сильного испуга, крайней тревоги, в глазах больше не было сомнения и печали. – Метаболическая серия...

– А знаешь, что, Хейди, – начал он и остановился.

– Что? – спросила она. – Что, Билли?

Чуть было не сорвалось с языка. Чуть было не выложил ей все. Что-то остановило его, и впоследствии он так и не смог понять – что же именно... разве что на какой-то миг, сидя сбоку у своего письменного стола, в то время как их дочь в другой комнате смотрела телевизор, он ощутил лютую ненависть к Хейди.

Воспоминание о том, что происходило за минуту до того, как старуха вышла в поток автомобильного движения, ярко вспыхнуло в сознании. Хейди сидела рядом вплотную к нему, левой рукой обняла его за плечи, а правой – прежде чем он сообразил, что происходит, – расстегнула ему молнию на брюках. Почувствовал, как ее опытные пальцы легко просунулись внутрь через трусы.

Подростком Билли Халлек иногда злоупотреблял (со вспотевшими ладонями и остановившимся взглядом) тем, что его приятели называли «дрочильные книжки». В этих «дрочильных книжках» попадались как раз такие картинки – «классная баба» держит в пальцах член мужика. В общем-то ерунда – «мокрые сны». Да только вот в тот момент Хейди ухватила его член. И начала дрочить, черт бы ее подрал. Тогда он бросил на нее удивленный взгляд, а она ответила такой шаловливой улыбкой.

– Хейди, ты что...

– Ш-ш-ш... Не говори ни слова.

Что на нее нашло? Никогда прежде таких вещей не делала, и Халлек готов был поклясться, что подобное ей и в голову никогда не приходило. Но тут вдруг затеяла, а старая цыганка выскочила перед носом.

О! Да скажи ты правду! Уж коли наступает прозрение, не лучше ли быть откровенным во всем с самим собой? Не ври себе – для вранья времени не остается. Только факты!

Ну хорошо. Пусть будут только факты. Неожиданная выходка Хейди потрясающе возбудила его, возможно, именно потому, что была столь неожиданной. Он потянулся к ней правой рукой, а она задрала спереди юбку, обнаружив самые заурядные желтые нейлоновые трусики. Они его никогда не возбуждали

прежде, а теперь... еще как! Или сам ее жест, когда задирали юбку? Кстати, и этого она прежде не делала так. Факт состоял также в том, что процентов восемьдесят пять его внимания было отвлечено от управления автомобилем, хотя такая ситуация в девяти из десяти параллельных миров разрешилась бы благополучно. В течение рабочей недели улицы Фэйрвью бывали не просто спокойными, а сонными. Впрочем, что об этом толковать? Он не был в девяти из десяти параллельных миров, а находился именно в этом, единственном. Факт состоял в том, что старая цыганка не выскочила между «субару» и «файрбердом»: она вышла между двумя машинами, держа авоську с покупками в старческой узловатой руке. Такие сетчатые сумки обычно берут с собой англичанки, когда совершают прогулку по центру городка с его магазинами. Халлек запомнил, что в авоське у старухи была коробка стирального порошка «Дуз». Верно, что по сторонам она не глядела, но факт состоял в том, что он оказался на грани взрывного оргазма. Все его сознание, за исключением крохотной его доли, было переключено на область ниже пояса, где руки Хейди двигались взад и вперед неторопливыми сладостными движениями, то сжимая, то ослабляя хватку пальцев. Его реакция была безнадежно замедлена, все оказалось безнадежно поздно, а рука Хейди придушила оргазм, когда его затрясло от наслаждения в течение каких-то секунд, которые стали неизбежными и в итоге страшными.

Таковы были факты. Но – минуточку, друзья и соседи! Ведь были и еще два факта, не так ли? Первый: если бы Хейди не выбрала именно тот день для своего эротического эксперимента, Халлек без труда овладел бы ситуацией в качестве водителя автотранспортного средства. «Олдс» остановился бы по меньшей мере футах в пяти от цыганки, остановился бы – пусть с визгом тормозов, из-за которого вздрогнули бы все матери, катившие коляски с младенцами вдоль тротуаров. Возможно, он заорал бы из окна: «Смотри, куда идешь!» – а старуха посмотрела бы на него со страхом и отсутствием какого-либо понимания. Он и Хейди проследили б, как она торопливо ковыляет через улицу, и сердца их тоже забились бы от испуга. Может быть, Хейди разозлилась бы оттого, что все покупки на заднем сиденье перевернулись вместе с сумкой и рассыпались по полу.

Но все было бы в порядке. Не было бы слушания в суде и старого цыгана с гнилым носом, поджидающего снаружи, чтобы погладить пальцем по щеке и произнести одно кошмарное слово проклятия. То был первый, побочный, вспомогательный факт. Второй следовал из первого: он заключался в том, что причиной всему происшедшему была Хейди – ее ошибка с начала до конца. Он не просил ее сделать то, чем она занялась, не говорил ей: «Послушай! Почему бы

тебе не сдрочить мне, пока катим домой, Хейди? Три мили – время есть». Нет. Она сама занялась этим... и, как ни странно, время было мистически точно подгадано.

Да, ее ошибка, но старый цыган об этом не знал, а Халлек получил проклятие и общую потерю веса в шестьдесят один фунт. И вот теперь она сидит перед ним с темными кругами под глазами, с поблекшей кожей на лице, но ни то, ни другое не убьет ее. О нет! Ее старый цыган не коснулся.

Вот так и проскочил мимо тот момент, когда он мог бы сказать ей просто: Ты знаешь, я верю в то, что теряю вес из-за проклятия. Вместо этого некая примитивная катапульта запустила в его сознание грубую вспышку ненависти, эмоциональный булыжник в ее сторону.

– Слушай... – сказал он.

– Что, Билли?

– Пожалуй, верно – схожу опять к Майклу Хустону, – ответил он совсем не то, что собирался высказать. – Ты, пожалуй, позвони ему, скажи, что я приду для метаболической серии анализов. Какого хрена в конце-то концов, как говаривал Альберт Эйнштейн?

– Билли, мой дорогой! – Она протянула обе руки к нему, и он нырнул в ее объятия. Поскольку они принесли ему утешение, он устыдился мимолетной вспышки ненависти, посетившей его мгновение назад... Но в последующие дни, когда Фэйрвью вступил как следует в расцвет весны, готовясь к лету, ненависть стала посещать его чаще, невзирая на все его попытки как-то выбросить ее из головы, хотя бы приостановить, удержать.

Глава десятая: 179

Он записался на серию метаболических анализов через Хустона, который разговаривал менее оптимистично, узнав, что неуклонная потеря веса Халлека продолжается и что он сбросил с прошлого месяца еще двадцать девять фунтов.

– Какое-то вполне нормальное объяснение этому есть, – сказал Хустон, перезвонив спустя три часа Халлеку. Он сообщил ему о дате и времени приема в клинике. Халлеку его фраза сказала о том, что «вполне нормальное объяснение» стало темной лошадкой.

– Ага, – тихо отозвался Халлек, глядя вниз, туда, где прежде был его живот. Никогда бы не поверил, что такое выдающееся брюхо может полностью исчезнуть. Из-за него кончиков туфель было не видать, приходилось нагибаться, чтобы посмотреть – не нужно ли почистить обувь. Не поверил бы в такое, когда после изрядной выпивки приходилось подниматься по лестнице, угрюмо сжимая портфель в руке, обливаясь потом и раздумывая – уж не нынче ли ночью грянет сердечный приступ и скрутит парализующей болью в левой части груди. Но это было правдой: брюхо исчезло. Каким-то зловещим образом это брюхо представлялось ему теперь другом.

– Ты думаешь, что нормальное объяснение все же есть? Какое? – спросил он Хустона.

– Вот те ребята тебе и скажут, в чем оно состоит, – ответил Хустон. – Будем надеяться.

Визит был назначен в клинику Хенри Глассмана, небольшое учреждение в Нью-Джерси. Билли предстояло провести там трое суток. Ориентировочная стоимость пребывания там и анализов была такова, что Халлек невольно порадовался: страховка все покроет.

– Ладно. Пошли мне открытку с пожеланием доброго здоровья, – вяло сказал Халлек и положил трубку.

Прием был назначен на 12 мая, то есть через неделю. В оставшиеся дни Билли наблюдал, как продолжается его физическая эрозия, всеми силами пытался сдерживать внутреннюю панику, побеждал собственную слабость и вообще держался как настоящий мужчина.

– Папа, ты что-то уж очень сильно теряешь в весе, – сказала с тревогой Линда как-то за ужином. Халлек хмуро положил себе три куска жареной свинины в яблочном соусе, благополучно разделался с ними, потом пару порций поджаристого картофеля с соусом. – Если ты на диете, то лучше бросить ее.

– Разве это похоже на диету? – сказал Халлек, указав вилкой, с которой капал соус, на свою тарелку.

Говорил он спокойно, но лицо Линды вдруг исказилось, она вышла из-за стола, всхлипывая, и удалилась.

Халлек бесстрастно посмотрел на жену, она ответила таким же бесстрастным взглядом.

Вот так наступает конец света, подумал он. Не с громом и молнией, а через похудание.

– Я поговорю с ней, – сказал он, поднимаясь.

– Если ты прямо сейчас пойдешь к ней, ты добьешься того, что только еще больше напугаешь, – сказала Хейди, и в этот момент он вновь ощутил мимолетно сверкнувшую, как металл, вспышку ненависти.

186. 183. 181. 180. Словно некто использовал на нем чудовищный ластик, стирая его на нет фунт за фунтом. Когда в последний раз он весил 180? В колледже? Нет... скорее всего, когда был старшекласником.

За тот же период до 12 мая в одну из бессонных ночей он вспомнил книжку о вуду, которую когда-то читал. Объяснение этому колдовству давалось такое: оно действует, потому что жертва считает, что вуду действует. Ничего сверхъестественного – просто сила внушения.

Может быть, подумал Халлек, Хустон был прав, и я просто внушил себе, что худею... поскольку тот старый цыган хотел, чтобы я так думал. Только теперь не могу уже остановиться. Я бы, наверное, миллион долларов заработал, написав ответ на книгу Нормана Винсента Пила. Назвал бы так: «Сила негативного мышления».

Однако разум подсказал, что вся эта старая идея о силе внушения – просто-напросто мусор. Все, что сказал старик, – одно лишь слово: «Худеющий». Он не провозгласил: «Могуществом, коим наделен я, проклиная тебя, и да утратишь ты от шести до девяти фунтов в неделю веса твоего, пока не подохнешь». Не

произносил заклинаний «Ини-миничили-бини», скоро тебе понадобится новый пояс «Ник».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/stiven-king/hudeyuschiy-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)